

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН**

**«ВОСТОКОВЕДНЫЕ ЧТЕНИЯ 2018.
ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ.
К 200-ЛЕТИЮ ИВ РАН»**

**Тезисы докладов межинститутской
научной конференции**

Москва, 4-6 апреля 2018

В.М. Алпатов
(Институт языкознания РАН, Москва)

Словарные и грамматические языки

Как показывают психолингвистические и нейролингвистические исследования, в мозгу человека имеются набор постоянно хранимых единиц (лексикон) и некоторое множество операций с ними: операций комбинирования (синтаксис) и операций модификации (морфология). Эти различия проявляются в различиях двух основных видов лингвистических описаний: словаря, в котором перечисляются единицы лексикона (слова), и грамматики, где, так или иначе, описываются операции с этими единицами.

Разные языки оказываются по-разному устроенными с точки зрения соотношения вышеупомянутых механизмов. В эталонных флективных языках (санскрит, древнегреческий, латинский, русский) важнейшее значение имеет грамматика, прежде всего морфология. Такие языки максимально грамматичны, а в грамматическом описании значительное место занимает парадигматика. Именно по этому пути шли те лингвистические традиции, которые формировались на основе наблюдений над языками подобного типа: европейская во всех ее первоначальных вариантах, арабская, индийская.

Противоположный полюс составляют изолирующие языки типа китайского. Их грамматика может быть сведена к синтаксису в широком понимании этого термина: все правила сводятся к правилам порядка и правилам формальной и семантической сочетаемости элементов. Описание же парадигм, составляющее для флективных языков едва ли не основную часть грамматики, для языков типа китайского оказывается ненужным. Изолирующие языки словарны. И не удивительно, что китайская традиция самостоятельно не выработала грамматику как способ описания.

Агглютинативные языки типа алтайских оказываются промежуточными между максимально словарными и максимально грамматическими. Однако именно в этих языках количество грамматических элементов максимально как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане. Единиц, именуемых в грамматиках аффиксами, послелогоми, частицами много, а к корню их может присоединяться до десятка. Грамматики европейского типа, основанные на выделении парадигм, для таких языков психологически неадекватны. Другой возможный способ описания агглютинативных языков – чисто словарный, существовавший в Японии в первые века после освоения китайской лингвистики. Однако уже к XVIII в. в Японии самостоятельно сформировалась грамматика как вид описания.

Здесь также грамматика отделяется от словаря, но несколько иначе. Основу морфологии составляет не парадигматика, а синтагматика. Для каждого грамматического элемента, прежде всего, выявляется, с какой из форм словоизменения глагола (или предшествующего грамматического показателя, которые тоже могут иметь парадигму) он сочетается. По-видимому, именно такое описание психологически наиболее адекватно. При этом выделение парадигм, пусть в урезанном виде, связано с тем, что японский язык в подсистеме глагола обладает несомненным сходством с флективными языками.

Итак, на одном полюсе находятся изолирующие языки типа китайского, который Ф. де Соссюр справедливо оценивал как «ультралексический». Такие языки могут быть описаны почти целиком с помощью словаря с добавлением лишь правил порядка элементов. На другом полюсе – «ультраграмматические», по Ф. де Соссюру, флективные языки; их можно также назвать парадигматически ориентированными. Для их описания

необходима грамматика, причем в ней большое место занимает парадигматика. Агглютинативные языки могут быть названы синтагматически ориентированными. Для их описания желательное сочетание словаря и грамматики, но часть описания, концентрируемая в грамматике для флективных языков, здесь может быть перенесена в словарь; в самой же грамматике преобладает синтагматика.

В.А. Андреева
(Институт языкознания РАН, Москва)

О разработке словарной статьи в Новом Большом вьетнамско-русском словаре

Новый Большой вьетнамско-русский словарь, вышедший из печати в декабре 2012 года, – проект, осуществленный Институтом языкознания РАН совместно с Институтом лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук. Как нам представляется, на сегодняшний день Новый Большой вьетнамско-русский словарь является словарём с самым полным научно сбалансированным словником из всех существующих двуязычных, а возможно и толковых словарей вьетнамского языка. От других словарей его также отличает подробная разработка словарной статьи с максимально полной лексикографической информацией и богатым иллюстративным материалом.

При составлении словаря авторам предстояло решить ряд теоретических и практических проблем, касающихся создания как макроструктуры (словника), так и микроструктуры (словарной статьи) словаря.

На уровне микроструктуры (словарной статьи) словаря задача создания словаря двух генетически и типологически далеких языков требовала глубокой разработки структуры и содержания словарных статей, выработки разнообразных средств для адекватного описания словарных единиц и перевода их на другой язык, определения соотношения в словаре лингвистической информации о слове и энциклопедических и страноведческих сведений. При разработке словарных статей необходимо было выработать критерии определения частеречной принадлежности единиц, разработать методы разграничения значений слов и определить порядок (принципы) расположения значений слова, создать унифицированное лексикографическое оформление для каждого типа словарных статей.

В Новом Большом вьетнамско-русском словаре выделяются различные типы словарных статей, отличающиеся характером разработки.

1. Словарная статья при слове, относящемся к общеупотребительной лексике, характеризуется наибольшей глубиной и полнотой описания значений заглавной единицы и ее функционирования в речи.

2. Словарная статья при слове, относящемся к страноведческой лексике, содержит толкование, описание и дополнительные пояснения энциклопедического характера, культурно-исторические комментарии.

3. Словарная статья при терминологической единице содержит русский эквивалент и в необходимых случаях снабжается примером употребления.

4. Словарная статья при китайских и других иноязычных заимствованиях снабжается этимологической пометой на языке оригинала и содержит иллюстративный материал для более точного понимания семантики слова.

5. При фразеологизме (фразеологические единицы в Словаре даются заглавными словарными статьями) курсивом приводится буквально-смысловый перевод с сохранением образной основы, затем дается русский смысловый перевод, а также приводится

полный или частичный русский фразеологический эквивалент либо фразеологический аналог, если таковые имеются.

Основным методическим принципом при разработке русской части Словаря является учет трудностей, возникающих у носителей вьетнамского языка при изучении русского языка.

К.В. Антонян

(Институт языкознания РАН, Москва)

Молодёжный жаргон в современном Китае

Жаргон, или сленг, определяется как разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе или возраста. В данной работе пойдет речь о молодежном жаргоне.

В китайском языке и китайском языкознании понятийная область 'жаргон' охватывается такими терминами, как *liyu* 'вульгаризм, сленг', а также *tonghangyu* 'профессиональный жаргон' и *heihua* 'воровской жаргон'. Менее употребительны термины *yinyu* 'тайный язык' и *qiekou* 'арго, жаргон'.

Близко к данному понятию находится понятие *lixingyu* 'ходячие (или расхожие) слова и выражения'. Но, безусловно, не все ходячие выражения можно считать жаргонными.

Китайское просторечие всегда носило ярко выраженный региональный характер. Поэтому традиционно жаргонизмы в Китае изучались скорее по региональным, чем по возрастным и профессиональным признакам. В наше время складывается, однако, надрегиональный сленг – и прежде всего это сленг пользователей Интернета.

В процентном отношении среди пользователей Интернета преобладает возрастная группа от 20 до 29 лет (31,5%), второе место делят группы от 10 до 19 и от 30 до 39 лет (обе группы – приблизительно по 23%). То есть в основном Интернетом пользуется молодёжь (приблизительно 77% пользователей).

Среди китайских пользователей Интернета к середине нулевых годов XXI века сложился свой сленг, который получил название «марсианского языка» – *huoxingwen*. Он популярен среди молодых пользователей – так называемых людей *jiulinghou*, то есть родившихся после 1990 года.

В марсианском языке могут использоваться традиционные (то есть неупрощённые иероглифы), нестандартные иероглифы, видоизменённые иероглифы (например, в них могут убираться, добавляться или заменяться ключевые графемы, или радикалы), символы из различных алфавитов – латиницы, кириллицы, чжуинь цзыму, японской каны, а также некоторые другие символы.

Современный китаист-антрополог Цин Чжан в своей монографии "Language and Social Change in China" (2018) обращает внимание на феномен, который она предлагает назвать *Cosmopolitan Chinese* 'космополитический китайский'. В Китае за годы реформ сформировался социальный слой людей с высоким уровнем доходов, имеющих хорошее образование и работающих в транснациональных корпорациях. Их речь характеризуется рядом особенностей, как лексических, так и фонетических, а также большим количеством заимствований из английского. «Космополитический китайский» также имеет надрегиональный характер.

Современный китайский молодежный жаргон (сленг) представляет собой динамично развивающуюся систему, пополняемую из различных источников. В условиях современной информационной среды он становится надрегиональным и наддиалектным.

Л. Асгари
(Институт языкознания РАН, Москва)

Kemush The Name of Moabite Deity in Iranian Languages and Dialects

Citing the linguistic evidence in Iranian languages and dialects, the present article traces the word *Kemush*, attested in the Persian lexicon (*Chamush*) as an adjective meaning “kicking” (predominantly used for horses and mules), back to its origin in the biblical world and the cultural history of a Semitic people called Moabite, and identifies it with the name of their chief deity.

This is good example, the author points out, how, throughout the history of a language, certain loanwords continue to hold on to their essential conceptual function, detached from the since disappeared original cultural context that had introduced them into that language in the first place. Thus, it is possible to discover a long forgotten cultural contact by way of tracing the history of loanword.

На основании лингвистических данных иранских языков и диалектов, в докладе прослеживается слово *Кемош*, засвидетельствованное в персидском лексиконе (*Chamush*) как прилагательное, означающее «брыкающийся, лягающийся» (преимущественно используемое для лошадей и мулов), обратно к его происхождению в библейском мире и в культурной истории семитов, называемых Моавит, и идентифицируется с именем этих семитов и с именем их главного божества.

Автор указывает, что на протяжении всей истории языка некоторые заимствования сохраняют свою основную концептуальную функцию, отделенную от исчезнувшего первоначального культурного контекста. Таким образом, можно обнаружить давно забытый культурный контакт путем отслеживания истории одного из заимствований.

А.Г. Белова
(Институт востоковедения РАН, Москва)

Морская терминология в арабском языке

Формирование культурной лексики в арабском языке рассматривается как результат культурно-исторических контактов и как результат «своего» словообразования. Выделяется общесемитское наследие и региональная контактная лексика.

1) Первые известные нам способы преодоления водных преград и первые признаки развития судоходства на Ближнем Востоке историки и археологи относят к середине IV тысячелетия. Древнеегипетская цивилизация в Северо-восточной Африке и шумеро-аккадская – в Месопотамии располагали плавсредствами как для переправы через реки, так и для движения по таким большим рекам как Нил, Тигр, Евфрат. Археологические и первые письменные источники свидетельствуют и о развитии мореплавания в окружающих морях.

2) Древние жители Аравийского полуострова, не имея внутренних водных путей сообщения, также овладевали средствами морского судоходства и рыболовства.

Рукописное наследие арабской средневековой цивилизации даёт историкам возможность восстановить историю формирования и развития кочевого и оседлого общества Аравии, историю становления городской культуры, истории ю развития наук, в том

числе – познакомиться с географической литературой, литературой о путешествиях как сухопутных, так и морских.

3) Арабскому мореплаванию и его истории посвящены многие исследования, как зарубежные, так и отечественные. Главными источниками этих трудов послужили археологические, эпиграфические и письменные материалы, в том числе – обширная географическая литература арабоязычных авторов VIII-XVIII вв.

4) В настоящее время данные этих источников можно дополнить лексическим материалом семитских и контактных языков региона, расширенным новыми данными сравнительно-исторического исследования и данными арабской диалектологии.

В отличие от данных письменных источников лексика представляется объективным историческим источником.

5) Для заявленной темы в качестве исходной привлекается лексика классического арабского языка и лексика арабских диалектов Аравийского полуострова.

6) Сравнительный анализ названий таких базовых понятий, как «море, большое водное пространство» и их производных свидетельствует о том, что в семитских языках нет единого и общего обозначения для «моря/океана». Так, наиболее известное арабское *baḥr*- «море» < «большое (водное) пространство» входит только в ареальную изоглоссу.

7) Названия простейших плавсредств (плот, лодка, весло) представлены локальными терминами, заимствованиями из контактных языков или «странствующей лексикой».

Е.Ю. Бессонова

(Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва)

Японские словари-письмовники: вопросы лексикографии

Словари-письмовники в Японии 21 века продолжают быть востребованы. Ежегодно издаются и переиздаются бумажные версии письмовников, существует много вариантов письмовников, представленных в Интернете и в японских электронных словарях, созданы специальные сайты «словарей-письмовников», полностью посвященные составлению посланий на японском языке. Японские словари-письмовники, которые передают все тонкости японской эпистолярной традиции, создают для носителей языка.

Современные японские словари-письмовники – обычно состоят из теоретической, практической и информационной частей. В теоретической части приводятся правила составления посланий на японском языке, формуляр письма, лексические и грамматические особенности эпистолярного текста. В практической части приводятся образцы писем с комментариями. Практическая часть делится на разделы в соответствии с назначением посланий (просьбы, приглашения, отказы, поздравления и т.п.). В информационном разделе приводится информационно-фактический материал, имеющий отношение к японским традициям и социальным отношениям в японском обществе.

На словари-письмовники возложена регламентирующая функция. В письмовниках фиксируется формальная организация послания, лексический состав эпистолярных текстов, клише, грамматические конструкции, регламентируется невербальная составляющая, например цвет, которым должно быть написано письмо, сроки написания посланий (особенно актуально для этикетных посланий). Письмовники опираются на японскую ментальность, написанное по правилам послание дает возможность избежать проблем в деловой и частной коммуникации, поэтому письмовники востребованы среди носителей японского языка, которые, составляя послания на основе приводимых образцов, получают возможность правильно построить межличностные отношения.

История японских словарей-письмовников насчитывает тысячелетие. Считается, что первые японские письмовники появились в период Хэйан. Письмовники получили название *о:раймоно*, так как в них послания приводились в паре: письмо-ответ. Письмовники *о:раймоно*, их история, характер изменений в структуре и содержании в каждую конкретную эпоху, а также конкретные примеры письмовников прошлых эпох дают возможность проследить процесс развития японского словаря-письмовника. Особое значение в изучении истории *о:раймоно* принадлежит труду Исикава Мацутаро «О:раймоно но сэйрицу то тэнкай» [1]. На протяжении всех веков письмовникам отводилась роль не только сохранения эпистолярной традиции, но большое значение имела обучающая функция.

Современные словари письмовники по своим задачам и содержанию практически не отличаются от письмовников прошлых веков, они не только поддерживают традиции составления писем, но и фиксируют новые стилеобразующие элементы, то есть создают будущее этому виду словарей. В письмовниках находят отражение изменения в общественной жизни японцев. В этой связи проанализированы заголовки современных письмовников, также особое внимание уделялось анализу словарей-письмовников, представленных в Интернете.

Литература

1. 石川松太郎. 往来物の成立と展開 / 松太郎石川. 東京: 雄松堂出版, 1988.
2. Бессонова Е.Ю. Современный японский письмовник как отражение менталитета японцев // Россия-Япония. На путях взаимопонимания культур. Сборник научных статей. – М.: Изд-во «ЛКИ», 2009. сс.84-105.
3. Бессонова Е.Ю. Эпистолярный стиль японского языка в историческом аспекте // Вестник Московского университета, Серия 13, Востоковедение, 2/2012. – М.: Издательство Московского университета. 2012. сс .39-45.

А.А. Блинов
(Институт востоковедения РАН, Москва)

Эвфемистические обороты для обозначения понятия смерти в арабском языке

Эвфемизм – это слово или словесный оборот, употребляемые с целью смягчить грубое выражение. Они широко используются в речи и на письме как синонимы грубых или считающихся неприличными лексем. Очевидно, что появление эвфемизмов связано с так называемыми языковыми табу, возникшими еще в глубокой древности и запрещавшими прямые указания на такие опасные предметы и явления, как, например, боги и болезни, поскольку считалось, что их упоминание может вызвать само явление. Именно тогда обнаруживалась слабость человека перед подобными явлениями, которые он не мог объяснить. Сюда также относятся и различные наименования смерти, произнесения которых в древности старались всячески избежать.

Если рассматривать употребление языковых табу в арабском языке, то можно констатировать, что, по всей вероятности, появление эвфемизмов пришлось на период Джахилии, т.е. до принятия арабами ислама. Арабы, так же как и многие другие народы, верили, что упоминание определенных слов (например, обозначений смерти, названий болезней, имен некоторых животных и джиннов) может навлечь на говорящего беды и напасти. Как отмечают в этой связи иракские ученые Н.Дж. Хади и М.А. Джасим, арабы

считали, что «произнесение слова «смерть» сразу вызывает смерть, а также произнесение слова «змея» вызывает ее из норы, и она жалит того, кто вызвал или произнес ее название».

Первый памятник арабского литературного языка – священный Коран – также сохранил большое количество эвфемизмов, предназначенных для опосредованного указания на социально неприемлемые явления в арабском обществе, такие как интимные отношения и физиологические функции. Таким образом, можно сделать вывод, что это явление укоренилось в арабском языке уже в глубокой древности.

Арабская языковая картина мира складывается на основе мусульманских представлений о жизни, смерти, Боге и т.д. Арабы отличаются особым фаталистическим отношением к смерти, поэтому все богатство метафорических образов в арабском языке проявляется при рассмотрении стандартных способов описания смерти арабами, считающими ее переходом в другой мир, встречей с Всевышним и т.д. Например, *'intaqalat 'ilā rahmati-llah/d-dāri l-'ahīrah/dāri l-baqā'/r-rafiqi l-'a'ālā/jiwāri rabbihā* букв. «она перенеслась на милость Аллаха/в последний мир/в вечный мир/к высшему товарищу/по соседству с ее Господом».

Л.Б. Будажапова

(Бурятский государственный университет, Улан-Удэ)

Структурно-семантические особенности сложных слов бурятского языка (на материале буддийской лексики)

В статье делается попытка выявить и описать особенности образования сложных слов бурятского языка на материале буддийской лексики.

В составе лексики, наряду с составными атрибутивными сложными словами наличествуют множество свободных словосочетаний, образованных по этим же моделям: *хамба дэзэл* «шуба, крытая китайским шелком», *алтан ганжар* «золотой, позолоченный ганжир», *сагаан бүрээ* «белая раковина», *нангин һудар* «священная книга», *гэгээн хүн* «святой человек» и т.д.

Возникает проблема разграничения составных атрибутивных сложных существительных и аналогичных им по структуре словосочетаний.

Одним из критериев, которые предлагают ученые, является проверка на сказуемость. Сочетание *хии морин* досл. «воздушный конь» (флажок с напечатанными молитвами и изображением коня) является сложным существительным, потому что перестановка *Энэ морин хии* с использованием *хии* в роли сказуемого при подлежащем *морин* «конь» дает бессмысленное содержание «Этот конь воздух». Таким способом определены следующие сложные существительные: *боди модон* «дерево бодхи», *луу шэрээ* «столик с изображением драконов», *луу гутал* «вид ламской обуви» и т.д.

Следующий критерий, который можно использовать для разграничения атрибутивных сложных слов и свободных синтаксических сочетаний слов, является семантическое единство сложной основы, которое проявляется в использовании её в качестве исходной основы при словообразовании, например: *шара шажан* «желтая вера, ламаизм» – *шара шажантан* «желтошапочники, последователи ламаизма», *дээдэ зиндаа* «высшая степень» – *дээдэ зиндаатан* «обладатели высшей степени» и т.д. А сочетание слов *Гэгээн багша* «святой учитель» является свободным словосочетанием, потому что можно сказать: *Энэ багша гэгээн* «Этот учитель святой» и т.д.

Исходя из вышесказанного, продуктивность составных сложных слов в бурятском языке на примере буддийской лексики удовлетворяют именно составные слова, в кото-

рых, как правило, значение «целого» складывается из значения составляющих компонентов. Для обозначения новых понятий используются не столько новые слова, сколько усложненные формы лексики. По нашему мнению, слово в структуре составного сложного слова выражает единое понятие и служит средством выделения предметов реального мира. Таким образом, сложносоставной способ образования сложных слов и сочетаний двух и более полнозначных слов, подчиненных друг другу в структуре конкретного сочетания на примере буддийской лексики является наиболее продуктивным.

С. Бунруанг

(Московский государственный университет, Москва)

Понятие слова в русском и тайском языках

А. М. Пешковский назвал слово «одним из труднейших общих понятий языковедения» [Пешковский 2007: 417]. Разработка этого понятия тем более важна, что «почти все остальные общие понятия языковедения определяются по средствам слова» и «само деление языковедения на отделы обычно связывается с тем же понятием» [Там же: 417]. Слово признается «основной единицей языка, которая для его носителей является психолингвистической реальностью» [Гак 1990: 466]. Однако в языках разного строя понятие слова трактуется по-разному. Такие различия наблюдаются между русским языком (флективный тип) и тайским языком (изолирующий тип).

Понятие слова всесторонне исследовалось в европейском и русском языкознании. Важнейшими явились вопросы отдельности и тождества слова, проблемы несовпадения слова как единицы языка и слова как единицы речи. Выделяются графический, фонетический, структурный, морфологический, синтаксический, семантический критерии для определения слова. Содержание этих критериев раскрывается по преимуществу по отношению к языкам флективного типа. Иные характеристики выделяются применительно к «изолирующему слову».

Детальная характеристика изолирующего слова в тайском языке представлена тайским лингвистом Д. Махаттханасин (D. Mahatthanasin) [Mahatthanasin 1990: 88-97]. Исследователь называет следующие признаки: 1.) тайские слова не изменяются по роду, числу, падежу, не имеют показателей, залога и склонения. Эти значения передаются в контексте с помощью других слов, повтора, порядка слов. 2.) Разделяются «базовые слова» (common words) и сложные слова (compound words). Базовые («основные») слова по большей части однослоговые, это «знающее слово само по себе» [Там же: 90]. К базовым словам относятся имена родства, личное местоимение, названия предметов быта, природных реалий, названия частей тела, названия цвета, признаковые имена, классификаторы. 3.) Значение тайского слова изменяется в зависимости от контекста, тона, редупликации, финального согласного. 4.) Выделяются «королевские слова», «слова монахов». 5.) Имеются специальные окончания для выражения отношений между говорящим и слушающим. 6.) Сложные слова образуются в результате объединенных базовых слов, основного слова и заимствованного слова, изменения тона, звука. «Основное слово выражает идею, следующее слово ее детализирует» [Там же: 97]. Сложные слова отличаются исключительным разнообразием по значению (включая синонимию и антонимию).

Изолирующее слово столь резко отличается от слова флективного, что возникает сомнение в правомерности использования одного и того же понятия к столь разным явлениям. Тайские слова обычно не разделяются пробелами (графический критерий), им нельзя приписать «звуковое единство» (фонетический критерий) и «структурную целостность» и непроницаемость, не имеют морфологических показателей. Разделение по

частям речи осуществляется исходя из позиции и сочетаемости (так, глагол – это слово, которое может находиться после слова [май] «не») [Prasithrathsint 2010: 46]. При этом понятии слова – тайского слова также «стихийно присутствует в сознании носителей» тайского языка, как русское слово – в сознании носителей русского языка.

Представляется, что при типологическом сопоставлении при необходимости обращения к слову необходимо выйти на тот уровень, при котором лингвоспецифичные признаки оказываются нерелевантными. Перспективным в этом плане является подход, выдвинутый в «когнитивной грамматике» [Langacker 2008: 103-112] Р. Лангакера (R. Langacker). Лангакер выделяет прототипические значения для существительного и для глагола, и сверх того классы релятивных выражений (Classes of Relational Expressions) [Там же: 104]. На этом уровне русское и тайское слово – существительное или слово – глагол оказываются сопоставительным между собой независимо от идиосинкразического понимания слова в сравниваемых языках.

Литература

- Пешковский А.М. Слово. М.: «Лингвистика, поэтика, стилистика. Избранные труды», 2007.
- Гак В.Г. Слово. М.: «Лингвистический энциклопедический словарь», 1990.
- Mahatthanasin D. Structure of the Thai Language. Bangkok: “Suriwongse Bookcenter”, 1990.
- Prasithrathsint A. Parts of Speech in Thai: A Syntactic Analysis. Bangkok: “A.S.P. Publishers”, 2010.
- Langacker R. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. New York: “Oxford University Press, Inc.”, 2008.

С.А. Быкова

(Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва)

Архаизмы и слова, вышедшие из употребления, в современной японской языковой системе

В современном японском языке, как и в других языковых системах, существуют категории слов, включающие в себя устаревшие слова, или архаизмы, *кого* (букв. «старые слова») и вышедшие из употребления слова *сиго* (букв. «мёртвые слова»), или, как их иногда называют, *хайго* (букв. «исчезнувшие слова»). На первый взгляд эти категории слов представляются весьма близкими, но в японской лингвистике они трактуются как совершенно различные языковые подсистемы.

Кого – слова, употреблявшиеся в далёкие от нашего времени эпохи, которые в современном обществе фиксируются преимущественно на страницах произведений классической литературы. Именно эта особенность *кого* позволяет использовать для наименования этой категории слов другой термин, а именно *котэнго* (букв. «классические слова»). В японском языке наших дней они употребляются ограниченно в качестве средства художественной выразительности в литературных произведениях, фильмах и телесериалах, воспроизводящих эпизоды соответствующей эпохи. При этом значение этих единиц понятно носителям языка. К словам данной категории относятся лексические единицы, обозначающие различные предметы окружающей действительности, например, *сиби* «тунец», синоним современного *магуро*, *умо* «батат», синоним современного слова *имо* и др.; слова, до наших дней сохранившиеся и употребляющиеся только в территориальных диалектах (например, термины родства в районе Тохоку: *кака* «мать»,

сэна «старший брат» и др.), а также «изящные слова (выражения)» *гаго*, многие из которых восходят к эпохам Нара и Хэйан (*удакэ* «пиршество», *акацуки* «заря», названия месяцев *муцуки* «январь», *кисараги* «февраль» и т.д.).

Сиго, или *хайго*, – исчезнувшие слова, которые в отличие от *кого* не употребляются в современном японском языке ни в одной из ситуаций использования архаизмов, указанных выше. Эта категория слов включает в себя прежде всего историзмы, например, *акагами* «красная бумага» – повестка о призыве на военную службу, *сэнтакубан* «стиральная доска», *Эгэрэсу* – Англия (ср. современное слово *Игирису*). Подобные слова вышли из употребления вместе с исчезновением соответствующих реалий или изменениями в обозначении последних. Другой разряд *сиго* представлен единицами, относящимися к современным модным словам и выражениям *рю:ко:го*, век которых в японском языке как правило недолговечен: *абэку* «парочка», *тёбэригу* «очень хорошо» (*тё* – морфема со значением «очень», сокращённый вариант морфемы *тё:*, *бэригу* – от английского словосочетания *very good*) и др.

С.П. Виноградова

(Институт языкознания РАН, Москва)

С.Х. Мусавиан

(Институт языкознания РАН, Москва; Тегеран)

Лексико-семантическое поле святости в иранских языках

Понятие святости достаточно универсально и знакомо очень многим языкам мира. Однако, лексемы, передающие это понятие на разных языках отнюдь не всегда являются переводными эквивалентами. В самых общих чертах, это связано, с одной стороны, с многогранностью его значений и смыслов; а, с другой стороны, с чрезвычайной древностью как самого понятия, уходящего корнями в древние верования, так и лексем, его именующих; и, наконец, с третьей стороны, привязка конкретных лексем, его именующих, к конкретным религиозным концептуальным парадигмам.

Для иранских языков современности круг значений, покрываемых понятием святость, передается, естественно, заимствованными вместе с религией арабскими лексемами.

Вместе с тем, иранская древность знала и свою святость, и соответствующая лексема была родственна соответствующим лексемам балто-славянским. В.Н. Топоров возводит их к общему глагольному корню, засвидетельствованному древнеиндийскими материалами.

В докладе делаются дополнения к этимологии соответствующей древнеиранской лексемы и прослеживается ее историческая судьба в иранских языках.

Н.Н. Воропаев

(Институт языкознания РАН, Москва)

Ритмические количественно дифференцированные синонимы в китайском языке и в потоке китайской речи

Китайская речь строится по законам ритма, согласно которым речевые такты в высказывании формируются из двух, трёх, четырёх односложных слов или многосложных слов, состоящих из соответствующего числа слогов [Чжао Лошэн 1986, Касевич

1999, Софронов 2007]. От количественной характеристики зависит, прежде всего, их просодия, но также и некоторые грамматические особенности.

Важным следствием ритмических требований к количественным единицам китайского языка является то, что одна и та же референция может осуществляться в речи с помощью количественной единицы разного состава: однослога, двуслога и т.д. Учитывая важность фактора ритма, в рамках данной работы предлагаем называть слова, которые существуют в разных количественных формах, ритмическими количественно дифференцированными синонимами (РКДС).

Как писала Н.В. Солнцева, «в изолирующих языках имеется два вида чередований: чередование двух форм существования слов (вслед за В.М. Солнцевым) и чередование по метонимии. Если явление двух форм существования слов, по-видимому, есть историческое чередование и представляет собою проявление сдвига в количественной норме слова, то чередование, при котором один компонент берёт на себя метонимическое выражение целого, происходит в условиях уже сложившейся двусложной нормы слова» [Солнцева 1985: 179-181].

Проиллюстрируем и расширим сказанное выше схематически и с помощью примеров. Возникают вопросы.

I Тип. Историческое чередование.

Однослог (исходная форма древнего языка) ↔ Двуслог (продукт исторического сдвига в количественной норме слова)

Причины возникновения, существования и выбора РКДС: ритмические, семантические, стилистические, синтаксические.

Примеры: 国 ‘страна; государство’ ↔ 国家, 车 ‘автомобиль’ ↔ 汽车, 报 ‘газета’ ↔ 报纸, 家 ‘семья’ ↔ 家庭, 官 ‘чиновник’ ↔ 官员 ‘официальное лицо; чиновник, служащий’.

II Тип. Чередование по метонимии.

1 подтип *Многослог (первоначальная номинация современного китайского языка, формальные словосочетания) → двуслог (когнитивные слова, почти всегда без возврата к первоначальной форме, гипотетические РКДС: возможна только гипотетическая, искусственная, справочно-научная (в специальных словарях) развёртка продукта сокращения до исходной формы), в китайских словарях сокращённых слов такие слова даются с пометкой 已词化 ‘уже превратилось в слово; стало лексемой’.* Причины возникновения, существования и выбора РКДС: закон экономии языковых усилий, ритмические. В этом подтипе не всё так просто, и чередования фактически нет.

Примеры: 化肥 ‘химические удобрения’ (от 化学肥料), 书系 shuxi ‘книжная серия’ или ‘серия книг’ (от 图书系列), 展会 ‘выставка’ (от 展览会), 保安 ‘охранник’ (от 保卫安全) – уже совсем не синонимы, 体检 ‘медицинский осмотр, медосмотр’ (от 身体检查 или 体格检查), 机场 ‘аэропорт’ (от 飞机场), 画展 ‘выставка картин’ (от 绘画作品展览 или 图画展览 – варианты из словарей, информанты носители языка 45 и 74 лет дали множество других вариантов исходной формы).

2 подтип *(с возможностью возврата к первоначальной форме): Многослог (первоначальная номинация современного китайского языка) ↔ продукт сокращения многослога, сохраняющий семантику, которой обладал в многослоге, только в данном контексте.*

Причины возникновения, существования и выбора РКДС: закон экономии языковых усилий, ритмические, стилистические (при возврате к первоначальной форме).

Примеры: 北京大学 ‘Пекинский университет’ ↔ 北大, 国家汉语国际推广领导小组办公室 ‘Государственная канцелярия руководящей группы по распространению китайского языка в мире’ ↔ 国家汉办 ↔ 汉办.

Умение правильно оперировать РКДС и знание различных форм подобных слов играет чрезвычайно важную роль, как в создании, так и в понимании потока китайской речи.

М.В. Выжлаков

(Университет Палацкого, Оломоуц, Чехия)

«Словесная» триада в тохарском А: *rake*, *plāc*, *weñlune*

В докладе рассматривается вопрос о значении и употреблении трех существительных, обозначавших в тохарском А языке речевую деятельность: *rake*, *plāc* и *weñlune*. Встречающиеся в научной литературе переводы данных слов, хотя и намечают некоторые различия между ними, в целом остаются нечеткими и порой непоследовательными (ср., в частности, словарные статьи и переводы отдельных фрагментов в [Poucha 1955; Carling 2009; Бурлак, Иткин 2013]).

Количество найденных примеров, на наш взгляд, является достаточным для анализа: 41 для *rake*, 29 для *plāc* и 19 для *weñlune*. Также были приняты во внимание два вхождения производного прилагательного *rakeṣi*.

Нами были замечены следующие особенности употребления трех рассматриваемых лексем:

1. При *rake*, в отличие от двух других слов, не употреблялись указательные местоимения.
2. *plāc*, в отличие от двух других слов, не использовалось при цитатах.
3. Только *plāc* использовалось для формул-экспозиций «разговор должен пониматься как происходящий в...», предварявших отдельные сцены в буддийских драмах.
4. *rake* использовалось в некоторых характерных для буддийского учения перечислениях или противопоставлениях. Во-первых, «физическое-вербальное-ментальное» (А 218 b3), (А 371 b1), (YQ II.15 b4-5). Во-вторых, «речь-тело» (А 399.20 + ТНТ 2383.1 a2), (YQ N.5 b2). В-третьих, «правильная речь, правильное деяние» (А 305 a2) – возможно, в качестве элементов Восьмеричного пути. Встречались и аналогичные пассажи с *weñlune*, но иного содержания: «движение, неподвижность (досл. «сидение, пребывание») и речь» (А 94 a2), «от [пустой] речи, алчности, гнева и ереси воздержание» (А 307 a6). Подобного рода примеры со словом *plāc* отсутствуют.
5. При *weñlune* не употреблялись прилагательные, характеризующие речь с эмоциональной или акустической точки зрения («нежный», «громкий» и т.п.).
6. Только *weñlune* употреблялось с личными местоимениями.

Таким образом, на наш взгляд, для данных лексем можно констатировать акцент на различных аспектах речи:

rake – это «слово, речь», речь как акт говорения. В самом общем смысле, как обозначение вербальной деятельности или сферы, оно употреблялось в различных понятийных перечислениях, почти становясь термином;

plāc – это «речь, разговор», речь как текст (т.е. конкретная речь, имеющая начало и конец, как монологическая, так и диалогическая). Значения «слово», «слова», видимо, отсутствовали;

weñlune – это «слова, суждение», речь как выражение мнения. Лишь в отдельных контекстах возможен перевод «речь» (как акт говорения).

Литература:

- Carling, G. (2009) *A dictionary and thesaurus of Tocharian A*. Harrassowitz Verlag.
- Poucha, P. (1955) *Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A*. Praha: Statní pedagogické nakladatelství.
- Бурлак С.А., Иткин И.Б. (2013) Тохарские языки // *Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии* / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик. Москва: Academia. С. 386-485.

Е.Л. Гладкова

(Московский государственный институт международных отношений МИД России)

Продуктивные способы словообразования в общественно-политической лексике современного персидского языка

Политический дискурс, сочетающий публицистический, информационно-официальный и научно-аналитический стили, представляет собой широкое поле для изучения тенденций развития словообразовательных процессов, протекающих в современном персидском языке.

К числу наиболее продуктивных способов словообразования в современном персидском общественно-политическом дискурсе можно отнести аффиксацию и полуаффиксацию.

Что касается аффиксации, то наряду с традиционно продуктивными суффиксами имен существительных *-i – yā-ye masdari* и прилагательных *-i – yā-ye nesbat* тенденцию к продуктивности обнаруживают, в частности, суффикс имени деятеля *-gar*, специфически употребляющийся в рамочной конструкции: *hekāyatgar-e ... budan* – «свидетельствовать о чем-либо», *āqāzgar-e ... budan* – «начинать что-либо»; префиксы *farā-* «меж-», «транс-» (*farāmantaqei* – «межрегиональный», *farāmarzi* – «трансграничный»), *pasā-* – «пост-», «после» (*pasātahrim* – «постсанкционный», *pasābarjām* – «[период] после принятия СВПД»), *pasādā'eš* – «[период] после ИГИЛ»).

В последние годы в персидском политическом дискурсе наблюдается значительный рост полуаффиксальных образований с участием глагольных полуаффиксов – основ настоящего времени простых глаголов, а также полуаффиксальных блоков – основ настоящего времени, наращенных суффиксом имен существительных *-i – yā-ye masdari*. К числу наиболее продуктивных относятся, в первую очередь, полуаффикс *sāz* (основа настоящего времени глагола *sāxtan* – «строить, создавать») и полуаффиксальный блок *sāzi*: *sobātsāz* – «стабилизирующий», *sobātsāzi* – «стабилизация». Полуаффиксальные лексико-грамматические конструкции заменяют глагольные конструкции, например, *ta'sirgozār budan* – букв. «быть влияющим» часто употребляется вместо глагола *ta'sirgozāstan* – «оказывать влияние».

Следует отметить, что полуаффиксаты чаще употребляются в информационно-аналитическом и научном стиле.

Адъективное управление: от русского языка к типологической перспективе

Исследованию синтаксических участников прилагательных уделялось существенно меньше внимания, чем анализу аргументной структуры глагола. Одним из первых, кто обратил внимание на способность прилагательного присоединять собственные компоненты, стал О. Йеспersen, см. (Jespersen 1937). В работах, посвященных изучению прилагательных, были сделаны определенные наблюдения над тем, какие именно адъективные единицы допускают зависимые, см. (Гращенков, Кобозева 2017), (Кустова 2006). С другой стороны, семантическая зона прилагательных в языках мира является достаточно часто обсуждаемой проблемой со времен работы (Dixon 1977).

Основные проблемы, связанные с адъективным управлением, следующие: i) какие семантические участники характерны для прилагательных; ii) какие группы прилагательных склонны иметь собственные зависимые.

Ответы на эти два вопроса связаны: одинаковые семантические типы лексем склонны иметь одних и тех же участников. Русский язык представляется достаточно богатым в отношении адъективного управления: в нем выделяются около десятка семантических типов прилагательных, прежде всего: СОБСТВЕННО ОЦЕНОЧНЫЕ, ВРЕМЕННЫЕ, ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ, ТОЖДЕСТВА, ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ, БЕНЕФАКТИВНЫЕ, ИЗВЕСТНОСТИ, ТИПИЧНОСТИ, СОДЕРЖАНИЯ, РАЗМЕРА, ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВ. В других языках данное обилие семантических отношений встречается редко, однако можно выделить ряд типологически устойчивых семантических участников ситуаций, кодируемых прилагательными.

Оценочным прилагательным в разных языках свойственна роль субъекта оценки, регулярно оформляемая дативом или предложной группой:

(1) английский *difficult* (трудный):

That problem is difficult for me.

Эта проблема трудна для меня.

(2) французский *nouveau* (новый):

C'était une nouvelle information pour moi.

Это новая для меня информация.

(3) багвалинский 'узкий'

di-ha ab miq' š'eralu=b ekba
я-DAT этот дорога узкая=N COP

Эта дорога для меня (мне) узкая.

Другой типологически распространенный участник задаваемых прилагательными ситуаций – бенефактив или малефактив, часто так же выражающийся дативом или (синонимичной ему) предложной группой:

(4) английский *harmful* (вредный):

These fruits are harmful for you.

Эти фрукты вредны тебе.

(5) французский *nuisible* (вредный):

L'alcool est nuisible a la sante.

Алкоголь вреден для здоровья.

(6) багвалинский
 o=j hakuj **ita** zaralija=j ekba
 этот=F женщина я.1PL.INCL.DAT вредный=F COP
*Эта женщина **нам** вредна.*

Еще один достаточно устойчивый семантический тип прилагательных – класс ТОЖДЕСТВА. Его участники обычно кодируются множественным числом, сочиненной именной группой, комитативом или предложной / косвеннопадежной группой:

(7) английский *equal* (равный):
 a. *The segment A and the segment B are equal.*
Отрезок A и отрезок B равны.
 b. *The segment A is equal to the segment B.*
Отрезок A равен отрезку B.

(8) французский *egal* (равный):
Les Francais et les etrangers sont egals en droit .
Французы и иностранцы равны в правах.
Les Francais sont egals en droit aux etrangers.
Французы равны в правах иностранцам.

(9) багвалинский =at'as (другой/разные)
anwar=la patimati=la w=at'as ekba
 Анвар=AND Патимат=AND М=другой COP
Анвар и Патимат разные.
 anwar w=at'as ekba **patimat-i-č**
 Анвар М=другой COP Патимат-OBL-CONT
Анвар другой, чем {от} Патимат.

(10) лезгинский 'похожий'
 stɣa-jar [**pahliwan-r-i-z** uɣʂar q'eħal-ar] tir.
 брат-pl(abs) борец-pl-obl-dat похожий храбрец-pl быть:past
*Братья были смельчаки, похожие **на пахливанов.** (Д. Ганенков, у.с.)*

Кроме обилия семантических ролей адъективов, для прилагательных зачастую характерно также разнообразие средств поверхностного кодирования участников (ср., например, русский). Доклад посвящен типологии семантических ролей прилагательных и средств их кодирования в различных языках, в т.ч. русском и ряде языков Азии.

Литература:

Гращенко П.В., Кобозева И.М. 2017. Семантические классы и управление прилагательных. В сборнике *Комп'ютернаја Лингвистика і Інтелектуал'ніе Техноложіі*, место издания Изд-во РГГУ Москва, том 2, с. 134-149. 2017

Кустова Г.И. 2006. Валентности и конструкции прилагательных // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конф. «Диалог-2006»*. М., 2006. С. 323–328.

Dixon R.M.W. 1977. Where have all the adjectives gone? *Studies in language*. 1977.1. P. 19–80.

Jespersen, O. 1937. *Analytic Syntax*, Chicago, The University of Chicago Press.

А.В. Громова
(Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва)

Лексикография диалектов и языковых разновидностей Ирана в начале XXI в.

В начале XXI в. в условиях модернизации, урбанизации и монолингвальной системы образования многие диалекты и миноритарные языки Ирана оказались на грани исчезновения. Фархангестан – Академия персидского языка и литературы, которая является главным органом проведения языковой политики в Иране – активно поддерживает проекты по документированию и изучению идиомов Ирана.

С одной стороны, это вызвано практической необходимостью поиска внутренних ресурсов персидского языка для создания собственных эквивалентов многочисленным европеизмам в процессе терминотворческой деятельности Академии, ведь, как подчеркивается в программном документе «Принципы и критерии словозамены» (п. 2.3), лексика языков и диалектов Ирана представляет собой один из источников словообразовательного материала наряду с корнями из древне- и среднеиранских языков. С другой стороны, руководством Академии признается, что двуязычие в стране – это реально существующий факт, который должен приниматься во внимание правительством и работниками сферы образования, однако при общей тенденции к нивелированию языкового и этнокультурного многообразия страны необходимы конкретные меры по сбору и фиксации диалектальных данных.

Работа исследовательской группы «Иранские языки» Фархангестан ведется по двум комплементарным направлениям: история иранских языков и диалектология на синхронном уровне, что нашло отражение в двух приоритетных проектах:

1. Тематический словарь языков Древнего Ирана. Здесь особое внимание уделяется этимологическому анализу с целью дальнейшего использования в процессе терминотворчества лексических элементов авестийского, древнеперсидского, парфянского и среднеперсидского, а также согдийского, хотаносакского, хорезмийского и бактрийского. Первая часть (2010 г.) охватывает названия животных и соматическую лексику, вторая часть (2011 г.) посвящена растениям и продуктам питания.
2. Сокровищница диалектов Ирана. Речь идет о полевых исследованиях с эффективным привлечением к сотрудничеству широкой общественности. В основу этого проекта были положены принципы документации, использованные А. Салами в ходе работы над «Диалектологической сокровищницей Фарса». На данный момент издано 7 томов по 72 языковым разновидностям этого региона, для каждого идиома собраны около 1500 слов и словоформ по следующим семантическим доменам: 1) сомонимы, 2) утварь, рабочие инструменты, полезные ископаемые, 3) бедствия и болезни, 4) родственники и близкие, 5) строительство, 6) одежда и украшения, 7) растения и продукты питания, 8) животные, 9) явления природы и окружающий мир, 10) числительные и нумеративы, 11) цвета и вкусы, 12) качества и свойства человека. Также даются местоимения, антонимы, парадигмы глаголов (всего 1000). Также имеется сто предложений, в которых отражены основные особенности грамматики диалектов, иногда один короткий рассказ или диалог.

За последние пять лет по этой схеме были опубликованы два тома по остану Исфахан (15 идиомов), два по Мазандарану (16 идиомов), продолжается работа по остану Керманшах (описано 9 идиомов). На сайте Академии опубликовано руководство по сбору языковых разновидностей Ирана, после фиксации этот материал проверяется и готовится к публикации профессиональными диалектологами.

Лингвистические данные, собранные в рамках подготовки Национального Атласа иранских языковых разновидностей, являются ценным материалом для дальнейшего анализа отдельных аспектов фонетических, морфологических, синтаксических и лексико-семантических особенностей изучаемых идиомов.

К.И. Демич, А.В. Костыркин
(Институт востоковедения РАН, Москва)

**Японское слово в электронном словаре:
Категории леммы, лексемы, словарного и заголовочного слова
в структуре словарного описания**

С развитием электронной лексикографии начинает приобретать все большую актуальность уточнение категорий леммы, лексемы, словарного и заголовочного слова, без чего становится невозможно построения структуры электронного словаря, который предъявляет более жесткие требования к лексикографическому описанию. Исследования в этой области уже имеют свою историю. Весомый вклад в общую разработку данной проблематики внесли отечественные языковеды: А.М. Пешковский, А.И. Смирницкий, А.А. Зализняк, И.А. Мельчук, Ю.Д. Апресян, С.Е. Яхонтов, Л.Н. Засорина, А.Я. Шайкевич. Из отечественных японистов этой тематикой занимались А.А. Пашковский, З.М. Шаляпина, В.М. Алпатов. Среди западных концепций следует отметить подход Х. Бергенхольца и Х. Агербо. Применительно к японской лексикографии важное значение имеют пионерские исследования, проводившиеся с начала 1950-х гг. группой под руководством Мидзутани Сидзуо, в рамках которых на японском материале была прояснена категория заголовочного слова «мидаси» и предложен ряд оригинальных концепций, до сих пор не потерявших своей актуальности. В частности, группой Мидзутани новое прочтение получило традиционное для японского языкознания понятие синтаксического слова «бунсэцу». Модели, также имеющие параллели в отечественной лексикографии, использовались при создании электронных словарей семейства UniDic под руководством Дэна Ясухару в рамках корпусных проектов «Института японского языка».

Анализ результатов японских разработок и накопленный опыт работы над «Японско-русским электронным словарем» дают достаточные основания сделать вывод, что словарное и заголовочное слово в японском словаре – это не просто аспекты одной и той же сущности, взятые на разных уровнях словарного описания, а две заметно различающиеся категории, которые в формальном и содержательном плане предполагают работу с лексическим материалом разной степени обобщения. Словарное слово как элемент словника представляет материал на макро-уровне, где решается задача первичной формализованной идентификации слова. В силу агглютинативного характера японского языка, в нем задача отождествления слова оказывается приоритетнее анализа словоизменения. С ней непосредственно связаны функции упорядоченного хранения материала, его поиска с помощью особого поискового интерфейса, поиска единиц словника, представленного списком, а также функция обеспечения безошибочного доступа к словарному материалу по гипертекстовым ссылкам посредством задания внутреннего адресного пространства словаря. Кроме того, в японском задача идентификации лексики осложнена наличием у слова множества графических форм разной степени каноничности и разной степени связанности графики с лексической семантикой. Для их фиксации лучше всего подходит система орфопар, где каждая пара понимается как два взаимосвязанных орфографических варианта записи одного и того же японского слова, акцентирующих

внимание, соответственно, на фонетической и графической форме его записи. При таком подходе на макро-уровне поэлементный состав словника японского словаря может быть представлен списком орфопар.

Объектом описания словаря является лексема, представленная на микро-уровне (внутри посвященной ей словарной статье) заголовочным словом. С его помощью при переходе с макро- на микро-уровень проводится дополнительная содержательная идентификация слова: преимущественно в порядке различения омонимов и разных значений многозначных слов. На основе такого подхода в электронном японском словаре заголовочное слово может оформляться двумя способами одновременно, исходя из двух разных задач: 1) в виде декоративных заголовков, отражающих графические варианты записи одного слова, для непосредственного извлечения лексико-семантической информации читателем с учетом способности графической формы японского слова указывать на отдельное значение и в соответствии с релевантностью каждого орфографического варианта; 2) в виде скрытых поисковых ключей для машинной обработки и алгоритмического согласования структур микро- и макро-уровней. Поисковые ключи представляют собой набор орфопар, сложность которого соответствует степени вариативности орфографической записи слова. Каждый ключ в таком наборе идентичен соответствующему элементу в списочном представлении словника и отправляет к нему на макро-уровне.

Несмотря на дискуссионность вопроса о существовании полноценной словоизменительной парадигмы в агглютинативных языках, применительно к словарному поиску в японском электронном словаре проблема лемматизации встает не менее остро, как и для флективных языков переход от эмпирического материала к словарному в целом решается сходными методами. Категория грамматической парадигмы в японском имеет свою специфику, выраженную в частности, в невозможности провести четкую границу между словоизменением и словообразованием. От излишней теоретической усложненности здесь удастся уйти с помощью понятия синтаксического слова. Одна из сложностей лемматизации японского текста состоит в том, что лемму как представителя грамматической парадигмы также необходимо идентифицировать в форме орфопары, что не всегда удается сделать однозначно, поскольку эмпирические (текстовые) слова, как правило, представлены в одной из орфографических форм предполагаемой пары. Категория леммы или словарной формы слова, будучи сущностно связана с определенным медио-уровнем словаря (парадигматическим классом слова), проявляет себя на уровне макро- и микро-структур в том, что как и элементы словника (словарные слова), так и заголовки словарных статей в скрытом или декоративном оформлении подаются в словарной форме, т.е. в форме леммы, посредством чего основной объект словарного описания, лексема, представленная на микро-уровне заголовочным словом, идентифицируется со своей грамматической парадигмой.

К.М. Джабраилов
(Институт языкознания РАН, Москва)

Вторичные значения общеиранской лексемы **jagar*- (печень) по материалам курдской фразеологии

Печень в курдском диалекте курманджи представлена четырьмя лексемами с фонетическими вариантами по говорам. Из них в образовании устойчивых словосочетаний отмечена только одна, индоиранская по происхождению лексема с западно-иранским фонетическим обликом, также с тремя вариациями: *jägär*, *jîgär*, *järg*. В ряде случаев воз-

можно замена ее в составе устойчивых сочетаний на арабское заимствование *kāzāb*. Многочисленные калькированные в турецком и азербайджанском языках устойчивые словосочетания сохраняют эту лексему в ее западноиранском (персидском, курдском) виде. Аналогичная картина наблюдается и в заимствованных из персидского устойчивых единицах в языках хинди и урду.

Курмандж. ‘печень’ *pîšareš*, *pîlareš*, буквально ‘черное легкое’ (сравн. легкие *pîla sprî* ‘белое легкое’, также *pîšik*). Эта лексема (в ее вариантах) не зафиксирована в составе фразеологических образований. Можно предположить, что она относится к сфере разделочной лексики (сравн. образованные по этой же модели турецкие и азербайджанские соматизмы: *ak jîğer* ‘белая печень’, *ak bağir* ‘белая печень’, *öfke* ‘легкое’; *ağ jiyär* ‘белая печень’, *ağ bağir* ‘белая печень’, *öfkä* ‘легкое’).

Анатомический орган печень (курманджи – *ceger*, *cîger*, *cerg*, *kezeb*) в наивной картине мира курдов – локус, средоточие эмоций. Это проявляется, больше всего в том, что «она служит местом пребывания эмоциональных, а также многих моральных и физических качеств человека» ([В.А. Плунгян] по материалам других языков).

Метафорическая роль печени как локуса страдания, причиненного возлюбленным, нашла отражение и в традициях современной курдской поэзии.

В курдском языке (курманджи) лексема *ceger* (*cerg*, *cîger*) «печень», часто употребляется вместе с *dil* «сердце», как *dil û ceger* – «сердце и печень». А другой синоним печени *kezeb*, в таком виде как *dil û kezeb* не встречается. Также часто употребляется другое словосочетание – *dil û hinav* – «сердце и внутренности», при этом имеется в виду, почти все внутренние органы (легкие, печень, сердце, почки, даже иногда кишки и желудок).

Структуру вторичных значений лексемы *cîger*, (*ceger*, *cerg*, *kezeb*) в курманджи и в целом в курдском языке можно подразделить на следующие группы:

1. Наличие внешних воздействий на печень – признаки страдания;
2. Наличие печени – признаки смелости и храбрости.
3. Отсутствие печени – признаки трусости.
4. «Делать печень» – признак проявления смелости.
5. Изменение цвета печени – признак безжалостности
6. Цена (стоимость) печени – признак личностных свойств человека.
7. Физическое состояние печени – признак пристрастия
8. Печень как уязвимый орган, инструмент воздействия
9. Печень как наиболее ценный орган, без печени нет жизни.

Л.Р. Додыхудоева
(Институт языкознания РАН, Москва)

К освоению арабских заимствований в шугнанском языке: особенности лексико-семантической адаптации

Памирские языки, предположительно, не вступали в непосредственный контакт с арабским. В силу этого можно полагать, что арабская лексика вошла в эти языки через посредство таджикского и персидского языков. Первый применялся как язык администрации, образования, науки и т.п., последний на протяжении веков выступал в качестве языка религии памирских исмаилитов. Наличие значительного числа слов арабского происхождения в таджикском (и персидском) языках региона дает возможность провести их структурно-морфологический и лексико-семантический анализ с учетом типоло-

гических различий, которые существуют между этими иранскими языками и арабским. Для памирских языков такая работа в основном была проведена М.Б. Давлатмировой (2004а; 2004б).

В настоящем докладе затрагиваются особенности одной модели арабских заимствований в шугнанском языке, связанной со структурой слов арабского происхождения и их адаптацией средствами иноструктурных языков. Мы рассмотрим особенности лексико-семантической адаптации данной группы арабских заимствований.

Включая в свою систему заимствование, язык подвергает его освоению, подчиняет действующим в нем законам на всех уровнях языковой структуры. При этом в ряде случаев происходит изменение внешнего облика (фонетического) слова как структурно-семантической единицы (а также вокабулы, заглавного слова в словарной статье). В этой связи нами рассматривается материал лексики, зафиксированной в «ШТС» (Зарубин 1960) и «ШРС» (Карамшоев 1988-1999). В дальнейшем на основе вошедших в язык заимствованных слов наблюдается сложение новых или переосмысление старых лексических форм и дальнейший процесс их расхождения по значению.

Мы рассмотрим случаи, когда «старые» арабские заимствования, вошедшие в язык на каком-то историческом этапе, сохранились в языке в первоначальном фонетическом облике. Этот более «древний» пласт так называемых устных заимствований, как правило, подвергся значительной ассимиляции в фонетической системе языка. Эти инородные заимствованные элементы вошли в язык, укрепились в нем, пройдя этапы фонетического, морфологического и семантического освоения, и были включены в языковой инвентарь. Со временем они подверглись процессу обработки, изменив в результате не только фонетический облик, но, в ряде случаев, и значение.

Семантическое их освоение связано с исходным значением, его развитием и изменением (включением наряду с прямым значением еще и ряда переносных), образованием устойчивых словосочетаний, а также особенностями представления тех же лексических единиц в речи и в составе устойчивых оборотов и сложением фразеологизмов, в силу чего в них активизируются дополнительные или архаизованные смыслы и реализуются дополнительные коннотации.

Можно отметить, что в последние годы наблюдается процесс активизации так называемых «возвращенных» арабизмов, лексики, которая была вытеснена в свое время из основного словарного состава языка и вновь вошла в употребление в силу экстралингвистических процессов, начиная с конца XX века. При этом относительно «новые» арабизмы, входящие в основном через письменные источники, претерпевают лишь частичную ассимиляцию.

Г.Б. Дудченко

(Невский институт языка и культуры, Санкт-Петербург)

Четыре разряда китайских иероглифов и перспективы их применения в лексикографии

По признаку наличия или отсутствия двух графических элементов китайские иероглифы делятся на четыре разряда, на которых основана система построения словарей, разработанная автором этих строк к концу 1999 года.

К первому разряду относятся иероглифы, не содержащие ни пересекающихся линий, ни замкнутых прямоугольных элементов. Некоторые из таких иероглифов могут быть изображены всего одной чертой: 一; 乙. Примеры других иероглифов первого разряда: 人; 水; 光; 经.

В иероглифах второго разряда есть хотя бы одно перекрестие, но нет замкнутых прямоугольников. Для изображения иероглифа второго разряда потребуется по меньшей мере две черты: 十; 力. Другие примеры: 出; 打; 花; 特.

Иероглифы третьего разряда не содержат пересекающихся черт, но в них есть по меньшей мере один замкнутый прямоугольный элемент. Наименьшее количество линий для изображения иероглифа третьего разряда – три, это иероглиф 口. Примеры разных других иероглифов: 问; 启; 罗; 明.

В иероглифах четвертого разряда присутствуют и пересекающиеся линии, и замкнутые прямоугольники. Многие из иероглифов содержат по одному из этих элементов: 古; 国; 知; 结. Иероглифы четвертого разряда изображаются по меньшей мере четырьмя линиями, ярко выраженным примером является иероглиф 中. Примеры других иероглифов четвертого разряда: 西; 取; 盎; 博.

Образно выделяемые графические разряды можно назвать «группами крови» иероглифов и даже обозначать похожей записью: I(5)+; II(1/8)-; III(2/4)-; IV(7/5)+. Это примеры индексов групп для иероглифов 业; 法; 月; 电. Римскими цифрами обозначен разряд, первым числом в скобках – сумма перекрестий и замкнутых прямоугольников (для первого разряда отсутствует), вторым числом в скобках (для первого разряда единственным) – общее количество черт. Плюс и минус указывают на наличие либо отсутствие в иероглифе элементов, симметричных по его центральной вертикальной оси.

Первый словарь, составленный по системе четырех разрядов, выпущен в 2018 году издательско-полиграфической фирмой «Реноме» в Санкт-Петербурге. Данная система легко применима и в электронных словарях, когда для поиска достаточно, не обладая специальными знаниями относительно иероглифических ключей или кодов линий, ввести набор чисел по внешнему виду иероглифа.

Е.О. Заикина

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Особенности кхмерской кулинарной лексики

Традиционная кухня, способы приготовления блюд и связанная с данным процессом лексика языка – все это является источником ценной информации о культуре и быте народа. Такие привычные для нас элементы повседневной жизни, как еда и напитки, – это одно из выражений этнической самоидентификации.

Изучение распространенных среди местного населения пищевых навыков представляет не только этнографический и культурологический, но и лингвистический интерес. Народы Юго-Восточной Азии разработали более сложную и обширную систему кулинарной лексики по сравнению с той, которую мы встречаем, например, во многих европейских языках.

Кухня Камбоджи, несмотря на то, что она испытала влияние кулинарных традиций соседних стран (Таиланда, Вьетнама, Китая), а начиная с конца XIX века – Франции, выработала свои отличительные черты. Комплекс особенностей национальной кухни нашел отражение и в лексиконе кхмерского языка. Так, например, в кхмерском языке выработалась сложная и обширная система лексики, связанная с приготовлением пищи, что отражает сложившуюся кулинарную практику: в кхмерской кулинарии существует множество способов кулинарной обработки сырья: копчение, сушка, вяление, жарка и др., каждому из которых соответствует специальный термин. Кроме того, основные виды кулинарной обработки продуктов могут иметь дополнительные «подвиды». Так, выделяются разные виды запекания: запекание мяса с солью (dot dak ɓmbəl), запекание в

ложном стволе банана (dot srətəp se:k), запекание в сахарном тростнике (dot rum ɔmpɛu) и др.

Исследование распространенных среди местного населения пищевых навыков представляет не только этнографический, но и лингвистический интерес. Практически вся кулинарная лексика имеет кхмерское происхождение, в ней чрезвычайно мало заимствований из других языков. Наиболее сильное влияние оказал китайский язык (siɛp, choŋ, tʰək si: i:u, tauɦu: и др.). Заимствования из китайского языка составляют больше половины от всех слов иностранного происхождения. Причем большая часть этих слов вошла в кхмерский язык относительно недавно. Это связано, на наш взгляд, с усилением в последние несколько десятилетий влияния Китая на Камбоджу и с все более ускоряющимися процессами глобализации. Также заметно влияние тямского языка (1/5 часть заимствованных слов). Хотя лексика, заимствованная из санскрита и пали, составляет до четверти всего словаря кхмерского языка (охватывая не только сферы научной и религиозной терминологии, но и бытовую лексику), в терминологии, связанной с приготовлением пищи, заимствования из индийских языков практически отсутствуют (в работе выделено только два слова санскритского происхождения). Это объясняется, прежде всего, тем, что, несмотря на ту серьезную роль, которую играл индийский компонент в различных областях кхмерской культуры, сфера повседневной жизни кхмеров (одной из важных составляющих которой является традиционная кулинария) оказалась «индианизирована» крайне мало. Также незначительное влияние на кулинарную лексику оказал французский язык, хотя Камбоджа находилась под протекторатом Франции около ста лет. Показательно также отсутствие среди кулинарных терминов заимствований из тайского языка. Последнее, кстати, позволяет усомниться с расхожих представлениях (зафиксированных, в частности, в разнообразных путеводителях по Юго-Восточной Азии), согласно которым кхмерская кулинария исторически связана с тайской, заимствовала из последней большинство блюд и приемов обработки кулинарного сырья (показательно, что в самой Камбодже существует прямо противоположная точка зрения на связь кхмерской и тайской кулинарных традиций). Ангорская империя (802-1431 гг. н.э.) занимала территории современного Южного Вьетнама, Лаоса и Таиланда. Тайские племена, пришедшие из Южного Китая, проживали в западных районах империи и только в XIII веке основали свое государство Сукхотаи. В 1431 годы тайцы разграбили Ангор и увели с собой большое число кхмерских инженеров, архитекторов, ремесленников, танцовщиц и поваров. Можно предположить, что в то время тайская кулинарная традиция находилась под сильным влиянием кхмерской. Хотя в XIX веке Сиам непродолжительное время занимал западные районы Камбоджи, здесь стоит говорить о взаимном влиянии культур и языков этих народов.

Изучение пищевых предпочтений помогает лучшему пониманию этнической истории народа. Традиционная кхмерская кулинария развивалась на протяжении многих веков, постепенно вырабатывая свои уникальные блюда, способы приготовления их приготовления и сервировки и в то же перенимая пищевые традиции соседних народов.

Б.А. Захарьин

(Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва)

Глаголы «падения/полета» и их производные в древнеиндийском

В древнеиндийском имелось несколько глаголов семантики «падать» и «лететь», главными из которых были *pat-* и *dī-/ḍī-*. Оба наличествовали и в архаичном ведийском,

и в более позднем санскрите, но их семантический потенциал в каждом из языков совпадал не полностью. В языке Ригведы основными значениями *pat-* являлись «летать/парить» (т.е. перемещаться в любом направлении в пространстве, предполагая/не предполагая контроль за движением и не подразумевая достижение конечной точки) и «падать» (т.е. перемещаться в конечную точку). Субъектами при *pat-* «летать» чаще всего выступали птицы, люди и другие – реальные или мифические – существа: *ā ...vayo na paptatā...* (RV I.88.1) «Подобные птицам **прилетайте!**» (обращение к Марутам). *...Vayaścidvasaterapaptan* (RV I.124.12) «Птицы из гнезда **взлетели/вылетели**». ИГ неодушевленного референта, маркирующая что-либо причастное к полету, также могла выступать в функции субъекта: *antāḥ patat patatru ...parṇām* (RV IV.27.4) «[В пространстве] между [небом и землей] **отлетело** перо ...птицы».

Каузативная основа *pat-āya-* должна была бы предполагать значения повторяемости или кратности действия, но и в ведийском, и в санскрите она и ее производные, помимо «летать/порхать», могли означать также «(на)падать» и «быстро перемещаться/мчаться»: *(nāhi)... vāyaś canāmī patáyanta āpuḥ* (RV I.24.6) «(He)... достигли те **порхающие** птицы»; *vī me purutrā patayanī kāmāḥ* (RV III.55.3) «По многим сторонам **разлетаются быстро** мои желания»; *(gRbhāyata rakśāsah)...vāyo yé bhūtvī patáyanti naktābhiḥ* (RV VII.104.18) «(Ловите демонов),... которые, став птицами, **мчатся** [по небу] ночами»; *ye mārtyam...Ṛṇāvānaṃ na patáyanta sargaiḥ* (RV I.169.7) «Которые [Маруты] с [их] сопровождающими на смертного **нападают**».

В санскрите ведущими значениями у *pat-* остались «(у)падать» и «(вз/при)летать»: *... rākṣaso ...bhumau papāta* (Bhatti-kāvya 9.38) «Демон ...**упал [замертво]** на землю»; *pakṣi ...papāta kham* (Bhatti-kāvya 5.100) «Птица ...**взлетела** в небо». При этом производные нередко предполагали для «падать» дополнительное значение «нарушение этических норм» – так, например, причастие *patitā* (ж.р.) нередко означало не просто «упавшая», но «падшая» (об апсаре, низвергнутой/засланной богами на Землю, о нарушившей верность мужу супруге и т.п.).

Для значений поля «летать» в Ригведе использовался также глагол *dī-*, предполагавший и (редкий) вариант с ретрофлексным (*ḍī-*). В ашокском (как самом архаичном среднеиндийском) еще сохраняется дентальный – ср. *ô-dī-* «взлетать, подниматься», но в языке Махабхараты и в пали (раннем пракрите) он уже ретрофлексизирован – ср. MBh *ud-dī-ya-te*, пали *ud-ḍeti* «взлетает» (из *ud-* «(в)верх» + *ḍī-/ḍe-*). Индологами предлагались – не безоговорочно – разные гипотезы касательно ретрофлексного; главную роль, вероятно, сыграл и.- а. преверб *ud-* (< протои.-е. **uzḍ-/*udz-*, ср., напр., русск. *узд-а*), на раннем этапе ставший префиксом и слившийся с корнем. Так, в пали с *ud-* строится не только исходная основа *udḍe-* «летать» (из исторического каузатива), но и «второй каузатив» *uṭṭe-pe-* (? < *udḍe-pe-*) «побуждать улетать» (> «гнать, ловить») – ср., напр., *kāk-e uṭṭe-pe-ti* «**каузирует улетать /гонит/ловит** ворон». Лишь эта исторически контаминированная основа сохранилась в литературных пракритах (ср. шаурасени *udḍiṇo via* «как будто бы взлетевший») и в новоиндийском (хинди *uR-*, раджастхани *ūḍ-* «лететь»).

Литература:

Елизаренкова Т.Я. Ригведа., М.: «Наука», 1989 (мандалы I – IV), 1995 (мандалы V – VIII), 1999 (мандалы IX – X).

Rgvedasamhitā, Svādhyāya-maṇḍalam, Pāraḍī nagaram, 1999 (6-ое издание).

А.С. Зверев
(Институт востоковедения РАН, Москва)

Знаки препинания как объект лексикографии (на материале японской пунктуации)

В современной лингвистической науке, как и во многих ее практических приложениях, пунктуация в целом продолжает занимать периферийное место. В японском языке, где процессы ее всеобщего распространения и стандартизации активизировались в XX в., знаки препинания до сих пор почти не подвергались систематическому изучению – несмотря на то, что уже давно вошли в письменную речь.

В таких условиях выбор знаков препинания в качестве объекта лексикографического описания выглядит особенно необычным шагом. Тем не менее, нам известно два японских лингвистических словаря-справочника, посвященных этим единицам письменного языка. Это «Словарь практического употребления пунктуации» [О:руй 2006], составленный Масатоси Оруем, одним из немногих специалистов по японской пунктуации, и «Словарь практического употребления пунктуации, специальных знаков и символов» [Сё:гаккан 2007], подготовленный коллективом авторов из лексикографического отдела издательства «Сёгаккан».

По охвату материала оба источника заметно выходят за рамки того круга явлений, на который, вероятно, мог бы рассчитывать читатель без специальной подготовки, скажем, русский лингвист, в своих представлениях привязанный к стандартному набору «школьной пунктуации» (о разных подходах к границам понятия «пунктуация» и его трактовке в японской традиции см. [Зверев 2016]). Даже словарь [О:руй 2006], в заглавие которого вынесено только слово «пунктуация» (句読点 *куто:тэн*), описывает, в числе прочего, и разнообразную диакритику, а менее специализированный словарь [Сё:гаккан 2007] охватывает еще больше единиц – например, знаки музыкальной нотации и математических операций.

В докладе будет сделан краткий сравнительный обзор этих двух словарей.

Кроме того, предполагается обсудить ряд общих проблем теории пунктуации, которые, как показало наше знакомство с источниками, находят закономерное выражение и в лексикографии. В частности, в устройстве словарей проявляется отчетливый примат графики над грамматикой, характерный для традиционных представлений о знаках препинания. Также обращает на себя внимание типично обобщающий подход к пунктуации, в рамках которого свободно объединяются – или, скорее, даже отождествляются – пунктуационные единицы разных языков. В результате лексикографическое описание приобретает свою специфику, которая подлежит критическому анализу.

Литература

1. Зверев А.С. Системоцентризм и антропоцентризм в изучении пунктуации: в поисках объективных критериев выделения знаков препинания // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Алпатова. Труды научной конференции. Институт востоковедения РАН 22-23 апреля 2015 г. Том 2. М.: ИВ РАН, 2016. С.136-144.
2. 大類雅敏 О:руй Масатоси 句読点活用辞典 [Куто:тэн кацуё: дзитэн {Словарь практического употребления пунктуации}]. Токио: Эйко:, 2006.
3. 句読点、記号・符号活用辞典 [Куто:тэн киго: фуго: кацуё: дзитэн {Словарь практического употребления пунктуации, специальных знаков и символов}]. Токио: Сёгаккан, 2007.

В.Б. Иванов
(Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва)

Электронная и бумажная версии Большого персидско-русского словаря

На сегодняшний день в иранистике ощущается нехватка современного персидско-русского словаря. Прежние словари, последний из которых двухтомный Персидско-русский словарь под общей редакцией д.ф.н. проф. Ю.А. Рубинчика (1970), ощутимо устарели. За последние полвека персидский язык претерпел значительные изменения. Большой пласт новых реалий образовался после Исламской революции 1979 года в Иране. Новые реалии возникли также после распада Советского Союза в 1991 году, в связи с образованием Российской Федерации и СНГ. В нашей жизни появились персональные компьютеры, мобильная связь и информатика, которые пронизывают всю нашу деятельность. Существенно обновились термины в военном деле, космосе, экономике, искусстве и многих других сферах. Ранее из словников намеренно удалялись устаревшие слова классического периода. Чтобы перевести какую-либо цитату из классического стихотворения, приходилось пользоваться несколькими словарями. Всё это потребовало разработку нового персидско-русского словаря с более удобной структурой.

В 2005 году была начата разработка современного Большого персидско-русского словаря (БПРС). Она ставила своей целью параллельное создание сразу двух версий – электронной и бумажной. Обе версии отличаются от прежних словарей большим удобством пользования:

- а) вместо нестандартной кириллической транскрипции используется международная на основе латиницы;
- б) мы отказались от того способа экономии места, который представляла собой тильда, которая во фразеологии заменяла собой заглавное слово словарной статьи; теперь фразеологизмы выписываются полностью;
- в) мы отказались от нестандартной звёздочки (*), которой раньше обозначался изафетный показатель в персидских примерах; теперь используется стандартная огласовка, которая и более наглядна, и занимает меньше места;
- г) каждое значение слова даётся с новой строки;
- д) фразеологизмы и примеры даются с новой строки;
- е) фразеологизмы и примеры протранскрибированы;
- ж) ударение в русских словах и нефинальное ударение в транскрипции обозначается полужирным шрифтом, а не диакритикой; это позволяет для русского текста использовать встроенную в Word проверку орфографии;
- з) в словарь введены устаревшие слова классического периода для исследователей, работающих с рукописями.

В прежних словарях омоформы (разные части речи, звучащие одинаково) объединялись в одну большую статью. В БПРС такие статьи разбиты на более мелкие. И, наоборот, несколько словарных статей, посвящённых омонимам с разной этимологией, в БПРС объединялись в одну.

Электронная версия является основной и отличается ещё более детализированной структурой. Здесь в словарной статье на отдельных строчках размещаются: ключевое слово в персидской графике, транскрипция, указание на частеречную принадлежность, иные грамматические пометы (напр. ломаное множественное число). Каждое значение фразеологизмов также даётся с новой строки. Поиск возможен как по персидскому слову и его транскрипции, так и по русским словам. Каждая словарная статья представ-

ляет собой один абзац, чтобы можно было задействовать стандартную процедуру для алфавитной сортировки. Поскольку используемый в Windows персидский алфавит несколько отличается от принятого в Иране (в частности, там неправильный порядок следования букв алеф и алеф с маддой), исправлять эти недостатки приходится вручную.

Всего БПРС содержит 75 000 словарных статей и 57 000 фразеологизмов (220 а/л), что существенно превышает объём прежних словарей. Для автоматизированного преобразования электронного словаря в бумажный (в трёх томах) написана специальная программа на Бейсике.

М.А. Иванова

(Московский государственный институт международных отношений МИД России)

Роль языковой корреляции в процессе освоения новых лексем (на примере арабского экономического тезауруса)

В современной лингвистике тезаурус относится к специальной области знаний или сферы деятельности, обеспечивая адекватную лексическую коммуникацию в рамках одной дисциплины.

Специфика процессов формирования тезауруса арабского языка носит наиболее очевидный характер в области экономики, где сегодня происходят наиболее быстрые изменения. Активность осмысления изменяющейся экономической действительности применительно к огромному ареалу распространения современного арабского языка ведет к формированию новых семантических полей.

Арабский экономический тезаурус в силу особенностей формирования лексического состава арабского языка демонстрирует прочную семантическую корреляцию и отличается четкой привязкой к корневым гнездам, по принципу которых традиционно формируется большинство арабских словарей.

В арабском экономическом тезаурусе функционирует большое количество уже имеющихся исконных лексем. Заимствованные же термины являются относительно немногочисленными и преимущественно относятся к сфере общеупотребительной лексики. В этом сегменте терминологического тезауруса широкое распространение получили композиты (сложные слова). В их состав входит от двух неаффиксальных морфем, т.е. морфем, не употребляющихся в качестве аффиксов и естественно выступающих в качестве основы слова. Являясь прямыми заимствованиями, эти лексеммы образуют присущие арабской грамматике словоформы, однако, в отличие от исконных лексем, они не могут образовывать дериваты, т.е. новые словоформы путем морфонологического изменения основы за счет внутренней флексии как это происходит чаще всего в арабском языке.

Наиболее обширную группу лексем, функционирующих в современном арабском экономическом дискурсе, составляют семантические заимствования. В состав этого значительного лексического пласта входят как прочно освоенные термины, так языковые соответствия, возникшие относительно недавно. Среди них встречаются дериваты как отглагольного так и отыменного происхождения.

Современный арабский экономический тезаурус формируется в подавляющем большинстве случаев в соответствии с генеалогией корневых гнезд в основном в процессе отбора и освоения семантических заимствований. В этом состоит его главное преимущество для плавного вхождения в словарь и закрепления в качестве лексической нормы, т.к. его элементы изначально характеризуются смысловой органикой, точностью отображения сути нового явления и редко нуждаются в дополнительных разъяснениях.

Процесс формирования происходит в строгом соответствии с правилами арабского словообразования, что позволяет пополнять корневой словарь арабского языка без образования новых гнезд или путем образования вторичных корней. Это, в свою очередь, дает возможность быстрой семантизации при переводе с арабского языка и ускоряет поиск эквивалентов.

Ф.А. Исаева

(Таджикский национальный университет, Душанбе)

**К вопросу о словах персидского происхождения
(в произведениях ал-Джахиза и памятниках арабской народной литературы),
не вошедших в общий лексический фонд арабского языка.**

Как известно, арабский язык является самым богатым по иноязычным элементам семитским языком. Считают, что больше всего слов арабы заимствовали из персидского языка. Уже в Коране и стихах доисламских поэтов зафиксировано много персидских слов.

Арабские лингвисты проявляли большой интерес к иноязычным заимствованиям и, классифицируя арабскую лексику, обязательно выделяли в ней класс заимствованных слов и составляли словари заимствованных слов.

Когда к власти пришли Аббасиды (750), на Востоке халифата в качестве делового языка утвердился персидский язык. Известный арабский автор ал-Джахиз (775-868), не только уделял внимание вопросу о функционировании персидского языка в арабской среде, но и сам начал использовать их в своих произведениях. Кроме персидских слов, которые вошли в общий лексический фонд арабского языка, в сочинениях ал-Джахиза встречаются персидские слова, которые не были зафиксированы в словарях арабского языка, но были известны широким народным массам, такие как : «буйвол» شتر مرغ «جوماش» , «страус» بر بند , «пояс» , «блюдо из обваренного мяса, зажаренного затем на вертеле; род шашлыка» جردناج , и другие. Ал-Джахиз, будучи известен в арабской литературе как «имам красноречия», заботился о красноречии и правильности речи. В то же самое время он заботился и о сохранении народного языка и его особенностей.

Персидские слова, не вошедшие в общий лексический фонд арабского языка, можно встретить и в таких памятниках арабской народной литературы, как сказки «1001 ночи», рыцарские романы «Сират Захир Бейбарс», «Сират Антара» и др., изданных на основе рукописей без литературной обработки. Эти памятники предназначались для широкой народной аудитории и были созданы на так называемом среднем арабском языке. В этих памятниках также встречаются персидские слова, которые в словарях арабского языка отсутствуют, как например: «полог, сетка от москитов, комаров» بشخانه , «шкаф, буфет» خروستان , «староста, начальник» شاه بندر , «госпожа, домохозяйка» خوشکاشة и др. Эти слова имели хождение только в народной среде и поэтому не были зафиксированы в словарях арабских филологов, которые тщательно оберегали «чистоту» арабского литературного языка. Но они были понятны широкой народной аудитории, для которой предназначались эти сказки и романы.

И.Б. Иткин

(Институт востоковедения РАН; НИУ Высшая школа экономики, Москва)

О значении некоторых тохарских лексем

Сравнительно небольшой объем и плохая сохранность корпуса дошедших до нас текстов на тохарских языках превращают процедуру установления точного значения

многих тохарских лексем в сложную и не во всех случаях разрешимую задачу. В докладе рассматривается вопрос о значении тох. А прилагательного *ylār* и тох. А существительного *pāśrāk**, по-видимому, имеющего соответствие в тох. В *paśrāk*.

1. Тох. А *ylār* "ласковый, заботливый"

На первом этапе тохаристических исследований прилагательное *ylār* рассматривалось как связанное с тох. В *lāre* "любимый, дорогой"; ср. переводы "freundlich" [Sieg, Siegling, Schulze 1931: 15], "comis, benignus" [Poucha 1955: 251]. Однако, начиная, по-видимому, с глоссария В. Томаса, общепринятым для этого прилагательного становится перевод типа "слабый, дряхлый", ср. "gebrechlich" [Thomas 1964: 132], "faible, caduc, flasque", "decrepit" и т.д. в последующих работах. Основой такого решения явно послужили соображения чисто формального свойства: соотношение между А *ylār* и В *lāre* не укладывается ни в какую стандартную модель, тогда как соотношение А *ylār* и В *ylāre* "слабый, вялый" фонетически безупречно.

Однако, как показывает лексикологический анализ, во всех надежных контекстах слово *ylār* имеет явно положительное значение, ср., например:

|| *hā kāruṇik ylār nātāk* (A 101 b1) "...Ох, милосердный *ylār* господин!"

pkolye perāk ylār pācarr oki tāk ♦ (A 317 a4) "словно любезный, внушающий доверие *ylār* отец стал"

ylā[r]i [m]āc(ar) (k)[l](opa)[s](unt) s(e)uacc oki na(ndena)c kātse yāṣ (A 144+2485 b3) "(Будда-бог учитель...,) словно *ylār* (форма ж.р.) мать к страдающему сыну, к Нанде идет".

Наиболее вероятным переводом для *ylār* представляется "ласковый, заботливый".

2. Тох. А *pāśrāk**, В *paśrāk* "уступ, терраса"

Тох. А слово *pāśrāk** встречается в нескольких сильно поврежденных контекстах, включая, в частности, следующие (падеж слова *pāśrāk** в обоих случаях неясен):

tricām pāśrāk s(a)dā[m](atti) //// (A 183 a2; чтение на основе [Sieg, Siegling, Schulze 1931: 137, сн. 3]) "третий *pāśrāk* – *sadāmatta* (разновидность божественных существ, букв. "всегда возбужденные")..."

//// (ṣpā)t wsāṣinās ṣulasā śtwar pāśrā(k) – – vṛkṣāntu wimānāntu koṃ ma_{as}(ñ) //// (A 301 a7) "на семи золотых горах, четыре *pāśrāk'*а ... деревья, дворцы, солнце, луна..."

Содержание обоих фрагментов не оставляет сомнений в том, что речь в них идет об описании индийской космологии, центром которой является священная гора Меру. Гору Меру окружают семь золотых гор, а одним из ее признаков являются четыре террасы, или уступа, каждый из которых населен той или иной группой богов. Замечательным образом, именно на третьем уступе обитают боги *sadāmatta*. Таким образом, для существительного *pāśrāk** с полной надежностью устанавливается значение "уступ, терраса".

Тох. В *paśrāk* (В РК AS 17H a1; ἄπαξ λεγόμενον) фактически не имеет контекста, однако фонетическое соответствие между языками полностью регулярно, а внешний облик рассматриваемой лексемы достаточно специфичен, чтобы признать случайное совпадение маловероятным.

Литература

Poucha 1955 – Poucha P. Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A. Praha, 1955.

Sieg, Siegling, Schulze 1931 – Sieg E., Siegling W., Tocharische Grammatik. Im Auftrage der Preussischen Akademie der Wissenschaften bearbeitet im Gemeinschaft mit W. Schulze. Göttingen, 1931.

Thomas 1964 – Thomas W. Tocharisches Elementarbuch, Bd. 2. Heidelberg, 1964.

О.М. Кадырова

(Институт востоковедения РАН, Москва)

К лексической типологии глаголов падения: данные турецкого языка

Задача данной работы в том, чтобы систематизировать лексический материал турецкого языка для проекта Московской типологической группы (MLexT), связанного с глаголами падения в разных языках. Мы подготовили материал по прямым значениям глаголов, изучив его в рамках фреймового подхода, предлагаемого MLexT. В рамках проекта было определено, что падение – это ‘*вертикальное движение вниз под воздействием гравитации*’ [Reznikova 2015 : 6]. В [Кузьменко 2015] говорится о следующих характеристиках падения: объект падения; начальное положение объекта; конечная точка падения. Данные характеристики могут быть использованы для противопоставления лексем.

В семантическое поле падения включаются следующие глаголы турецкого языка: *düşmek, yağmak, dökülmek, yıkılmak, devrilmek, inmek*.

Турецкие данные имеют сходства с японским материалом, описанным в [Панина 2016], а также материалами четырех уральских языков, изложенными в [Кашкин 2015]. В каждом из описываемых языков существует глагол, который доминирует в семантическом поле и может употребляться в различных ситуациях падения. При этом существуют глаголы с более узкой семантикой, которые противопоставлены друг другу по типу объекта. В японском, уральских и турецком языках выделяется глагол, обозначающий выпадение осадков. В уральских и турецком выделяется глагол для жидких и сыпучих веществ. Как утверждает А.С. Панина, противопоставление по типу объектов – это первое впечатление, за которым стоит «не столь прямолинейное» содержание [Панина 2016 : 207]. В турецком языке 6 глаголов падения. Глагол *düşmek* является доминантой поля и может быть употреблен практически во всех ситуациях падения при определенных условиях. Лексема *düşmek* не противопоставлена другим 5 лексемам ни по типу объекта, ни по начальному его положению, ни по конечной точке падения. По своему конкретному содержанию, глаголы противопоставлены по характеру действия. Мы предполагаем, что сочетаемость турецких лексем обусловлена характером действия, а не характеристиками, указанными в [Кузьменко 2015], хотя корреляция с видами объектов закономерна.

Литература

Гениш Э. Словарь турецких глаголов и управление глаголов в турецком языке. М.: ЛКИ, 2008. 328 с.

Кашкин Е.В., Плешак П.С. Идеофонические глаголы падения: семантические наблюдения и перспективы типологии (корпусное исследование) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». №3, 2015. С. 137-142.

Кузьменко Е.А., Мустакимова Э.Г. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции "Типология морфосинтаксических параметров 2015". М.: МГГУ имени М.А. Шолохова. С. 149-160

Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход в лексической типологии // Вопросы языкознания 2013 №2. С. 3-31.

Панина А.С. «Глаголы падения в японском языке: лексическая типология» // Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы XII международной конференции (Москва, 16-17 ноября 2016 года). М.: Языки народов мира, 2016. С.197-207

Щербинин В.Г. Большой русско-турецкий словарь. М.: Живой язык, 2006.

Юсупова Р.Р. Турецко-русский словарь. М.: Русский язык МЕДИЯ, 2005.

Reznikova T.I., Vyrenkova A.S. Semantics of Falling: A Cross-Linguistic Approach. Working papers, series: Linguistics. М.: ВШЭ, 2015. С.3-14

Türkiye'nin Bilgi Portalı [электронный ресурс] URL: [http:// www.sozluk.bilgiportal.com](http://www.sozluk.bilgiportal.com) (дата обращения 20.02.2018)

NND Sözlük [электронный ресурс] URL: <http://www.nedirnedemek.com> (дата обращения 20.02.2018)

Е.А. Кобелева

(Санкт-петербургский государственный университет)

Гендерные стереотипы во фразеологии русского и китайского языков

В последние десятилетия XX века в науке получила стремительное развитие гендерная лингвистика. Особое место в лингвистических исследованиях гендера занимает фразеология. Фразеология, будучи наиболее консервативной сферой языка, отражает диахроническое развитие гендерных ролей в отдельном социуме; изучение гендерных стереотипов во фразеологическом фонде языка позволяет получить представление о роли мужчин и женщин в данной культуре.

В ходе нашего исследования мы рассмотрели специфику отражения гендерных стереотипов во фразеологии русского и китайского языков, сосредоточившись преимущественно на стереотипических представлениях о женщине. Для того чтобы выявить характерные особенности каждого из языков, нами были выделены основные семантические группы фразеологизмов с гендерным значением, общие для двух рассматриваемых языков, а затем на основе контрастивного подхода были выявлены наиболее характерные сходства и различия в гендерной картине мира исследуемых лингвокультур.

В основу нашего исследования легла сплошная выборка из справочников 中华成语大辞典 «Большой словарь идиом китайского языка», 常用谚语词典俄汉谚语俗语词典 «Русско-китайский словарь пословиц и поговорок». Языковой материал и примеры для русского языка были взяты из словаря В.И.Даля «Пословицы и поговорки русского народа».

Сопоставительный анализ осуществлялся в следующих семантических областях: 1) внешность женщины; 2) возраст женщины; 3) морально-нравственные качества женщины; 4) социальное положение женщины; 4) семья и брак; 5) образ мужчины. Анализ собранных фразеологических единиц позволил выявить следующие специфические особенности отражения гендерных стереотипов в китайской фразеологии:

1. В китайских идиомах преобладает негативная оценка женского характера. Женщины наделены рядом прототипических черт, создающих негативный стереотип: недалекий ум, болтливость, вздорный нрав, коварство: 女人头发长, 见识短 *nǚrén tóufǎ chǎng, jiànshì duǎn* ‘У бабы волос длинный, да ум короткий’;

2. Большое количество идиом пропагандируют конфуцианские ценности, предписывающие женщине быть покорной отцу и мужу, женское образование также не считалось обязательным: 出嫁从夫, 夫死从子 *chūjià cóng fū, fū sǐ zòng zǐ* ‘после замужества слушайся мужа, после смерти мужа слушайся сына’, 女子无才便是德 *nǚzǐ wú cái biàn shì dé* ‘Добродетель женщины – в отсутствии талантов’;

3. Анализ фразеологических единиц китайского языка, обладающих гендерной спецификой, позволил установить, что в языке доминирует андроцентрический взгляд, т.е. преимущественно отражена мужская картина мира, главенствующее положение в которой занимает мужчина: 男尊女卑 *nán zūn nǚ bēi* ‘уважение к мужчине и презрение к женщине’ (превосходство мужчины над женщиной).

Результаты исследования свидетельствуют о наличии значительной гендерной асимметрии в китайском языке. Конечно, в современном китайском обществе в силу ряда причин, таких как глобализация, повышение уровня жизни и других, происходят некоторые перемены в сторону гендерного равноправия, однако традиционные ценности по-прежнему сильны, что отражается во фразеологическом фонде языка.

К.А. Кожа

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Ранние описания китайского языкового строя в российской академической школе: принципы и инструменты

Генезис китаеведной лингвистической терминологии – сложная и обширная тема. В настоящем сообщении мы рассмотрим одну из первых попыток упорядоченного описания китайского языкового строя в рамках академического подхода, предпринятую о. Иакинфом Бичуриным (1777-1853) в его неопубликованном труде: «Голосовая система китайской письменности Каллери. Перевод и замечания, написанные для Академии наук в 1842 г.». В сущности работа о. Иакинфа представляет собой перевод и последовательный критический разбор новаторского для своего времени труда французского сиолога Дж. Каллери (1820-1862) «Systema Phoneticum Scripturae Sinicae» (Макао, 1841 г.).

Особая ценность манускрипта для современного исследователя заключается в возможности сопоставить и проанализировать на примере его содержания механизмы формирования различных подходов к интерпретации ключевых особенностей китайского языка (фонетическое устройство, принципы иероглифической записи, поиски оптимальной структуры словаря): оригинальные идеи Каллери шли вразрез с известными европейской синологии того времени описаниями китайского языка, в то время как Бичурин отстаивал классическое словарное устройство, опираясь на многовековой опыт собственно китайской филологии.

Оригинальный текст «Системы» на латинском языке состоит из двух частей: первая часть состоит из 12 теоретических глав, содержащих изложение и обоснование мнения автора об устройстве китайской письменности, о ее фонетической природе; вторая часть содержит собственно словарь китайского языка, скомпонованный по новому, разработанному автору фонетическому принципу, всего 1039 статей. Бичурин последовательно перевёл каждую из глав, снабдив перевод пространными комментариями,

дающими современному исследователю возможность сопоставить, в частности, основной терминологический инструментарий двух авторов и проанализировать, в целом, этот замечательный образец теоретической полемики между представителями различных течений в синологии той эпохи.

И.Н. Комарова
(Институт языкознания РАН, Москва)

«Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями»

Научные работы выдающегося тибетолога XX столетия Ю.Н. Рериха [Рерих 1931, 1957, 1961], а также «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями» в 11 томах [Рерих 1983-1993] получили широкую известность и признание тибетологов как в нашей стране, так и за рубежом.

Вернувшись в Россию из Индии, Ю.Н. Рерих в Институте народов Азии АН СССР обрел множество восторженных учеников и последователей, интересовавшихся тибетским языком, историей и религией Тибета. В те далекие времена Институт находился в Армянском переулке, матрица памяти сохранила двор, полный благоухающих роз.

После внезапной кончины Ю.Н. Рериха в 1960 г. ученые неизменно вспоминали его с большим уважением и почтением, а кабинет Института, содержащий его бесценную библиотеку, стал именоваться «Кабинетом Ю.Н. Рериха» и в течение длительного времени хранил особую ауру. На протяжении нескольких последних десятилетий в Институте востоковедения РАН почти ежегодно с большим успехом проводятся «Рериховские чтения» с участием ученых не только из различных городов России, но и из других стран с уникальными докладами самой различной проблематики, интересовавшей Ю.Н. Рериха.

В Отделе языков Института народов Азии АН СССР была создана специальная группа по редактированию рукописи «Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями» [«ТРАСС»], которую возглавил талантливый тибетолог к.ф.н. Ю.М. Парфионович. В эту группу входили к.ф.н. В.С. Дылыкова, д.и.н. В.А. Богословский, к.ф.н. Б.Д. Бадараев и К.М. Черемисов.

Научные изыскания Ю. Н. Рериха, воплотившие богатейшее наследие тибетской исторической, философской, религиозной и лингвистической мысли, а также восточных литератур, знакомство с древними канонами способствовали созданию знаменитого одиннадцатитомного «Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями» [«ТРАСС»].

«ТРАСС» содержит несколько десятков тысяч лингвистических единиц и представляет единую лексическую и грамматическую систему тибетского языка, воссоздавая многообразную тибетскую языковую систему мира, отражая национально-специфические особенности тибетской ментальности и способствуя пониманию характерных явлений социальной, политической, духовной и культурной жизни народа Тибета, начиная с письменных памятников и до новейшего времени. Изменение общественных формаций, новые экономические и политические обстоятельства неизменно запечатлевались в тибетском языке.

Ю.Н. Рерих преодолевал немалые трудности, описывая не только эквивалентную лексику, совпадающую по денотату и коннотату, но и безэквивалентную лексику, выражающую понятия, совпадающие лишь в некоторых значениях и отличающиеся во всех других.

Ю. Н. Рерих блестяще владел современным тибетским языком, который в значительной мере представлен такими лексическими пластами, как литературная речь, охватывающая основные отрасли науки и техники, экономики, политики, медицины, культуры, искусства, религии; иноязычные заимствования (главным образом китайские), архаизмы, выходящие из употребления, и неологизмы, фразеологизмы, диалектизмы, терминосистемы. Ю. Н. Рерих тонко чувствовал нюансы тибетского слова, что нашло свое отражение в словаре, который отличается от других тибетско-иноязычных словарей более полной словарной информацией.

В Словаре представлены особенности лексических единиц: функциональная употребительность, деривационная активность, синтагматическая широкая сочетаемость, парадигматическая поддержанность (вхождение в многочисленные синонимические ряды).

Ю.Н. Рерих выражает значение слов, указывая их нормативное, функциональное значение и экспрессивно-стилистическую окраску. Словарные статьи отмечены лингвистической эрудицией, высоким профессиональным уровнем, богатым иллюстративным материалом, совмещением в одной статье собственно языковой и энциклопедической информации.

В одной из своих работ Ю.Н. Рерих высоко отзывался об известном венгерском ученом, основателе тибетологии и санскритологии в Европе Александре Чома де Кёрёши: «It was a great name on the Tibetan path». [Рерих 1931]. Эти слова с полным основанием можно отнести к творческой и научной деятельности Ю.Н. Рериха.

Литература

George N. de Roerich. "Modern Tibetan phonetics with special reference to the Dialect of Central Tibet" // J. of the Asiatic Society of Bengal" (New Series) vol. XXVII, 1931, N. 2., p. 282-312.

G.N. Roerich. Tse-trung Lopsang Phuntsok. "Textbook of Colloquial Tibetan (Dialect of Central Tibet), Calcutta, 1957.

Рерих Ю.Н. Тибетский язык. М., Изд-во восточной литература. М.: 1961, 151 с.

Рерих Ю.Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями в 11 томах. (Под общей редакцией Ю. Парфионовича и В. Дылыковой). М., Изд-во «Наука», Издательская фирма «Восточная литература». М.: 1983-1993.

С.А. Крылов

(Институт востоковедения РАН, Москва)

О гибридных жанрах словарей (на материале монгольского языка)¹

Одной из традиционных задач общей и частной лексикографии является типология словарей, то есть классификация словарей по некоторым их существенным признакам.

Классификация есть логическое разбиение; множества объектов, выделяемые на основе некоторого одного различительного признака, не должны пересекаться. Но реальное разнообразие объектов и реальная сложность эмпирически наблюдаемых мно-

¹ Работа выполнена при частичной поддержке грантов РФФИ № 17-04-00594 «Автоматический словарь РУСЛАН: обновленная концепция, новая лексика» (2017–2019гг.), РФФИ № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка» (2018-2020 гг.), а также РФФИ № 17-29-02305 «Разработка методов анализа текстов, порождаемых в ситуации психологического неблагополучия и психического нездоровья», РФФИ № 17 29-07049 «Исследование методами искусственного интеллекта системы когнитивных операций, реализуемых в научных текстах» и РФФИ № 17-29-09158 «Создание корпуса официально-деловых текстов русского языка (ОДКРЯ)» и РФФИ № 18-012-00611 А «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков».

жеств этих объектов нередко сталкивает нас с классификационными проблемами нескольких логических типов. Одна из них – нечёткость (диффузность) границ между выделяемыми классами; другая – то, что часто эмпирический объект обладает разными чертами, сближающими его с объектами взаимоисключающих (ранее выделенных) классов. В таких случаях целесообразно внести уточнения в сами классификационные признаки, на которых основывались прежние классификации; а иногда удобно ввести в рассмотрение гибридные классы объектов.

В лексикографии выделяют три основных параметра классификации словарей: (1) по словнику; (2) по структуре словарных статей; и (3) по порядку следования вокабул. В параметре (3) выделяются три типа: 3А. Алфавитный (в т.ч. 3А' прямой и 3А'' обратный // инверсионный); 3Б. Ранговый (т.н. «частотный»); 3В. систематический (//Тематический).

При этом внутри каждого из типов параметра (3) возможно наложение дополнительного признака: “с гнездованием” vs. “без гнездования”. Строго говоря, гнездование – параметр не бинарный, потому что бывает гнездование многоуровневое (хотя количество уровней гнездования редко превышает 3-4; а обычно уровень лишь один).

В структурно-вероятностной модели монгольского языка широко используются гибридные типы словарей. Так, частотный (статистический) принцип – используется не только в ранговых (где он является стержневым), но также в алфавитных (прямых и инверсионных) словарях. В гнездовых словарях на нулевом уровне гнездования может использоваться иной принцип упорядочения, чем на первом, а на первом – иной, чем на втором: так, на 0-м уровне словарь может быть алфавитным инверсионным, на I уровне – систематическим, на II уровне – алфавитным прямым. При этом такой словарь по структуре словарной статьи относится к частотным, так как даёт информацию о встречаемости единиц в корпусе.

А.С. Крылова

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Словарь языка куллуи: проблемы полевой лексикографии

Куллуи – индоарийский язык, относящийся к группе химачальских пахари и распространённый в долине Куллу, штата Химачал-Прадеш (Индия). Куллуи не имеет литературной нормы и стандартизованной письменности. Официальным языком штата является хинди, престиж куллуи по сравнению с ним невысок, и его сфера употребления постепенно сужается. Дети школьного возраста используют главным образом хинди, а на куллуи говорят только с бабушками и дедушками. Меняется и сложная традиционная культура долины. Многие объекты материальной и духовной культуры уходят в прошлое, а вместе с ними уходит лексика местных языков.

На сегодняшний день не существует словаря куллуи. Из двух наиболее подробных описаний очерк Ранганатхи [Ranganatha 1980] содержит список из приблизительно 800 слов с английскими переводами, но без необходимой грамматической информации. Грамматика М.Р. Тхакура [Thakur 1975], написанная на хинди, более точна фактически, содержит значительно больше лексики, однако эта лексика не представлена в виде словника, а рассеяна по всему тексту грамматики, зачастую без грамматической информации и переводов, и дана в фонетически неоднозначной транскрипции на основе письменности деванагари.

Создание полноценного словаря куллуи, основанного на полевых данных и современных методах, чрезвычайно важно для сравнительно-исторического, типологиче-

ского и ареального языкознания. Современный онлайн-словарь должен включать в себя транскрипцию на основе МФА, грамматическую информацию (для существительных – род, наличие и способ образования множественного числа, для глаголов – переходность и модель управления, наличие нерегулярных и супплетивных форм), звуковые файлы, примеры.

В рамках нашего полевого проекта по грамматическому описанию языка куллуи пополнение словаря ведётся следующими способами:

- 1) сбор лексики на основе лексической анкеты-тезауруса
- 2) получение лексики при глоссировании спонтанных текстов
- 3) получение лексики из грамматических анкет
- 4) проверка и уточнение данных предыдущих исследователей, главным образом

М.Р. Тхакура [Thakur 1975].

Все эти методы имеют свою сферу применения и свои ограничения. Так, анкета-тезаурус позволяет охватить базовую лексику, но не лексику со специфической семантикой. Анкеты и тексты дают примеры употребления и грамматическую информацию. Уточнение данных других исследователей требует достаточно тонкой работы с каждым словом, но позволяет получить лексику со специфической семантикой, не входящую в активный словарный запас информанта. Однако некоторая часть природной и культурной лексики даже таким образом не получает достаточно ясного толкования. В этом случае для работы над словарём требуется междисциплинарный подход, включающий в себя работу с этнографами, фольклористами и представителями естественных наук.

Литература

Ranganatha, M. R. 1980. *Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Census of India. 1971. Language monograph No. 7.* New Delhi: Office of the Registrar General, India, Language Division.

Thakur, M.R. 1975. *Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men.* Dehli: Sanmarg Prakashan.

М.И. Кудринский

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Гетерограммы в лувийских и палайских текстах

Хеттский язык – древний индоевропейский язык, принадлежащий к анатолийской группе, распространённый во втором тысячелетии до н.э. на территории Малой Азии, где в то время располагалось государство хеттов со столицей в городе Хаттуса. Тексты на хеттском языке записывались при помощи клинописи, первоначально возникшей в Месопотамии и использовавшейся для записи шумерского, а позднее также и аккадского языков. Заметной особенностью хеттского письма являлось параллельное использование фонетических написаний хеттских словоформ и написаний, использующих элементы шумерского и аккадского языков. Такие написания мы будем называть гетерографическими (см. Kudrinski/Yakubovich 2016). Дошедшие до нас тексты на хеттском языке демонстрируют высокую частотность употребления гетерограмм в текстах самых разных жанров.

Хеттский сохранял свой статус официального языка на всём протяжении существования царства Хаттусы. В то же время, он не являлся единственным языком, функционировавшим в его границах, и клинописные тексты не ограничиваются записью одного только хеттского языка. В данном докладе нас будут интересовать прежде всего тексты на лувийском и палайском языках – оба этих языка, как и родственный им хетт-

ский, также относятся к анатолийской группе. В отличие от текстов на хеттском языке, в лувийских и палайских клинописных текстах гетерограммы встречаются куда реже, их использование не было обусловлено продолжительной письменной традицией. В данном докладе мы попробуем рассмотреть особенности использования гетерограмм при записи лувийского и палайского языков и ответить на вопрос об их роли в системе хеттской клинописи. Будет показано, что состав и частотность гетерограмм, использовавшихся при записи лувийских и палайских текстов, могла определяться жанром текста, а также степенью компетенции писца в том или ином языке.

Литература

Kudrinski, M., Yakubovich, I. S. 2016. Sumerograms and Akkadograms in Hittite: Ideograms, Logograms, Allograms or Heterograms? // *Altorientalische Forschungen* 43(1-2): 53–66.

П.В. Кульнева

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Лексическое взаимовлияние китайского и японского языков после реставрации Мэйдзи на примере экономической терминологии

С тех пор, как в Японии началось серьезное изучение китайских текстов (V в. н.э.), китаизмы (*канго*) проникали в японский язык все глубже, укореняясь в его системе и становясь продуктивным материалом для словообразования. В наибольшей степени словообразовательные возможности *канго* проявились после реставрации Мэйдзи, когда в Японию хлынул интенсивный поток информации о последних достижениях западной цивилизации.

В XIX в. перевод западной литературы и заимствование специальной терминологии происходили как в Японии, так и в Китае. Однако после поражения Китая в китайско-японской войне 1894-1895 гг. ситуация перевернулась и положение Японии стало доминирующим. С этого времени китайские реформаторы начали все больше ориентироваться на японские политические и экономические достижения; активизировались контакты двух народов, научный и культурный обмен между ними. С японского языка на китайский язык был переведен большой массив западной специальной литературы, что пополнило китайский язык целым рядом научных терминов.

Реальный масштаб заимствования терминологии китайским языком из японского оценить довольно сложно, так как оба языка оказывали лексическое влияние друг на друга. Много споров об авторстве слова вызывают «новые» термины, которые можно найти в древнекитайских источниках («экономика», «общество», «труд», «капитал» и др.). В этих случаях роль японцев в создании термина может быть сведена к наделению уже существующего слова новым смыслом. В китайских словарях заимствованных слов везде, где это возможно, приводятся цитаты из древней литературы, подтверждающие китайское происхождение слова. Однако можно встретить и целый ряд терминов, признанных «японскими сложениями из китайских корней» (*васэй-канго*).

Об активной совместной работе по «модернизации» языка с обеих – японской и китайской – сторон свидетельствует тот факт, что в некоторых случаях возникало несколько вариантов перевода одного и того же термина. Более удачные (и выбранные впоследствии китайцами) японские варианты перевода таких экономических терминов, как, например, «экономика» и «капитал», вероятно, свидетельствуют о большей гибкости японских переводчиков в подборе новых иероглифических сочетаний и, в то же время, о тонком понимании ими китайской грамматической логики.

Говоря о заимствовании *васэй-канго* китайским языком, необходимо отметить качество лексики. Согласно некоторым исследованиям, большая ее часть относится к терминологии общественных и естественных наук, при этом заметную роль играет экономическая терминология. Таким образом, заимствованные *васэй-канго* отличаются практической применимостью и актуальностью. Можно также отметить большой словообразовательный потенциал *васэй-канго* и продуктивное применение китайских морфем в качестве суффиксов.

Таким образом, можно говорить о заметном влиянии японского языка на терминологию, появившуюся в китайском языке в конце XIX – начале XX в. Однако и японский язык существенно обогатился новой лексикой благодаря широким возможностям *канго* для создания существительных. *Канго* сыграли неоценимую роль в поглощении информационного потока, хлынувшего в Японию после открытия для нее западного мира.

Е.Н. Левченко

(Московский городской педагогический университет)

Корпусный подход к изучению взаимодействия лексики и грамматики древнеяпонского языка (на основе Оксфордского корпуса древнеяпонских текстов)

В рассмотренных ниже нарушениях синтаксического порядка и словообразования, характерных как для древнеяпонского, так и для современного языка, мы можем видеть значения, выраженные не собственно аффиксами, но корнями, которые не образуя самостоятельных словоформ, подобно аффиксам, входили в состав сложного слова на правах модификаторов «вершинного» корня, а именно будут рассмотрены *apyi-*; *osi-*; *uti-*; *i-*; *ari-*; *e-*; *kakui-*. В найденных примерах корневые несамостоятельные морфемы не присоединяли никаких словоизменительных показателей. Здесь мы можем говорить о морфологически несамостоятельных корнях, или аффиксоидах, т. е. диахронически промежуточной ступени на пути к оформлению аффикса.

С другой стороны, существуют работы Хаспельмата, Плунгяна, Аркадьева по изучению превербов. Термин *преверб* до недавнего времени использовался для описания элементов, предшествующих глагольному корню в определенных языках. При анализе индоевропейских языков использовался термин «глагольный префикс». В любом случае, вне зависимости от используемого термина, функционирование префиксов здесь рассматривается на синхронном уровне, не затрагивая эволюцию данных единиц.

Исходя из классического правила поступательного развития аффикса, когда диахронически для языковой единицы типична однонаправленная эволюция, т. е. постепенное развитие в направлении сильно автономная словоформа – слабоавтономная словоформа – клитика – полуклитика – формант – суффикс, мы вправе рассматривать здесь явление грамматикализации свободных глагольных словоформ. Использование глагола в нефинитной позиции без словоизменительных показателей, что исключает возможность функционирования сложного глагола, может указывать на его предшествующее использование в порядке не SOV, но SVO, поскольку все вышеуказанные глагольные префиксы утратили свое лексическое значение и грамматикализировались.

Также мы имеем очевидно рудиментарное использование данных префиксов в ДЯЯ, не присущее КЯЯ, что указывает на поступательное изменение структуры SVO в SOV. Это может служить сомнением в гипотезе Марри Гелл-Мана и Меррита Рулена о едином прото-синтаксическом порядке SOV.

О создании серии учебных трехязычных отраслевых словарей-минимумов

В последние годы КНР не только вышла вперед по темпам строительства автомобильных дорог, но и становится крупнейшей страной мира по протяженности скоростных автомагистралей. К 2020 г. общая сеть высокоскоростных магистралей должна соединить все города с населением более 200 тыс. жителей. В этой связи повышается роль китайских специалистов в области дорожного строительства, расширяются международные связи в этой области.

На фоне устойчивого поступательного развития российско-китайских отношений новый импульс получает укрепление двусторонних связей как в области транспортных проектов, так и в сфере высшего образования. Сегодня в МАДИ обучаются десятки студентов из КНР, в том числе по специальностям, связанным с дорожным строительством.

Помочь студентам в овладении русским языком призван подготовительный факультет МАДИ для иностранных студентов, являющийся старейшим в стране после подготовительного факультета МГУ. Однако отдельным направлением развития языковых навыков студентов, особенно важным при последующем изучении специальных дисциплин, является овладение узкоспециальной терминологией.

Для решения этой задачи на кафедре иностранных языков МАДИ в сотрудничестве с профильными кафедрами была начата работа по подготовке в серии терминологических словарей-минимумов по приоритетным направлениям вуза, в т.ч. трехязычных. К сегодняшнему дню изданы два учебных русско-китайско-английских терминологических словаря-минимума «Автомобильные дороги» и «Автодорожные мосты». В состав авторского коллектива вошли как ведущие преподаватели соответствующих технических дисциплин, так и опытные языковые специалисты.

Словари главным образом предназначены для оказания помощи китайским студентам и аспирантам, как в овладении узкоспециальной терминологией, так и при чтении научно-технической литературы и специальных журналов на русском языке в области проектирования, строительства и эксплуатации автомобильных дорог. Также эти словари могут использоваться специалистами при реализации совместных дорожно-строительных проектов. Включение в них англоязычных терминов существенно расширяет возможности их применения в сфере международного общения специалистов в условиях глобализации экономики.

При составлении словарей использовались соответствующие отраслевые стандарты КНР, а также изданный в 2006 году «Дорожно-технический словарь», подготовленный силами специалистов профильного Чан'аньского Университета под эгидой специальной редакционной группы Министерства транспорта КНР. Это позволило воспользоваться наработками китайских специалистов в области стандартизации соответствующей терминологии на китайском языке.

Таким образом, разработанный словарь-минимум призван дополнить имеющееся лексикографическое обеспечение учебного процесса. Он содержит основные тематически представленные узкоспециальные термины по данной специальности и носит многофункциональный характер. Применение словаря в образовательной и производственной деятельности будет способствовать повышению уровня профессиональной компетентности современных инженеров, а также дальнейшему укреплению дружественных связей между Россией и КНР.

Е.К. Молчанова
(Институт языкознания РАН, Москва)
С. Сальманпур
(независимый исследователь, Дубай, ОАЭ)

Диалектные словари в Иране (на материале ларестанского говора Эвази)¹

Ларестан – уезд в провинции Фарс в южном Иране. К юго-востоку от г. Шираз живут носители довольно большой группы ларских или ларестанских диалектов, в их числе собственно ларский (в городе Лар), диалект Гарраша, диалект Эваза и др. Ларские диалекты относятся к юго-западной группе иранских языков (той же, что и государственный персидский язык). Имеется солидный и уже переизданный словарь Ларестана, написанный Ахмадом Эгтедари, и еще несколько словарей ларских диалектов. К этому собранию только что (в 2017 г.) добавился «Словарь говора населения Эваза» двух авторов: г-жи Насрин Энсафпур и г-на Мохаммада Рафи Зияи. Последний, к сожалению, умер в 2016 г. Он был уроженцем Эваза и его горячим патриотом. Он очень любил свой говор (Эвази). Судьба его сложилась трудно. Он был писателем (писал для детей), исследователем и художником-карикатуристом. Последняя его ипостась отразилась в анализируемом словаре: в нем представлены изящные, иногда шуточные миниатюры Мохаммада Рафи Зияи, иллюстрирующие те или иные статьи. Более 10 лет Мохаммад Рафи Зияи собирал языковой материал Эвази, пословицы, воспоминания, свои рисунки, снимки, сделанные им со своего фотоаппарата. Обработка, упорядочивание, толкование собранного материала, его классификация, перевод на персидский язык, набор и подготовка словаря к печати осуществлялись совместно двумя авторами, о чем г-жа Насрин Энсафпур пишет в начале словаря, в разделе «Памяти Мохаммада Рафи Зияи». Первоначально авторы предполагали издать словарь Эвази объемом не более 200 страниц, но вышло более тысячи страниц. Словарь был сдан в печать в 2015 г., но Мохаммад Рафи Зияи не успел его увидеть в печатном виде. Словарю предпослано посвящение: «Всем людям Эваза».

В «Предисловии» к словарю за подписью Мохаммада Рафи Зияи (стр. 15-16) он пишет, что авторы ставили своей задачей уделить наибольшее внимание традиционной лексике Эвази, которой пользовались и пользуются их родители, но не современной расхожей лексике. В течение 10 лет они записывали разговорную речь жителей Эваза, встречаясь для этого с представителями самых разных занятий и опрашивая их о деталях их профессии в далеком прошлом и о названиях соответствующих инструментов и приспособлений, о которых современные жители не имеют представления. Носители говора оказывали им помощь. Далее он очень подробно перечисляет те профессии и занятия, у представителей которых была записана информация: земледельцы (богарного и поливного земледелия), те, кто пользовался водой, поднимаемой из колодца или реки с помощью водяного колеса; те, кто выращивал финиковые пальмы; охотники, скотоводы, пастухи, возчики соли и разносчики воды, повара и хлебопеки, домохозяйки, ткачихи, портные, изготовители местной обуви, каменщики и строители хранилищ воды («абамбаров») и подземных каналов, кузнецы, слесари, заготовители и продавцы дров, мелкие торговцы и т.д.

К словарю прилагаются: описание позиции говора Эвази среди других иранских языков и диалектов; слово о городе Эваз и его истории; описание характерных особенностей говора; грамматика говора; парадигма спряжения некоторых глаголов Эвази.

¹ Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ, грант № 17-04-00563а.

В.А. Муравьева
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Лексические и грамматические средства обеспечения целостности и связности китайского текста

Дискурсивные слова или дискурсивы – это единицы особого типа, которые обеспечивают связность и целостность текста и отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего. В современной лингвистике они рассматриваются как класс неизменяемых лексических единиц, образующих единое пространство, это довольно новая, пока еще малоизученная область лингвистики. В настоящее время имеется ряд описаний отдельных типов дискурсивных слов, но, несмотря на огромный интерес к данной теме, в исследовании этих единиц существуют лакуны. Анализ функционирования дискурсивных слов как класса в типологическом ключе является одной из наиболее насущных и востребованных в настоящее время проблематик. Изучение дискурсивных слов в современном китайском языке представляется непростым, но весьма перспективным исследованием как с частнолингвистических позиций, так и в общетеоретическом ключе.

Как показывают эмпирические данные, китайский текст изобилует словами, которые по своим функциям относятся к дискурсивам, что ставит на повестку дня задачу составления словаря дискурсивных слов современного китайского языка.

Разработанная нами типология дискурсивных слов китайского языка включает такие классы, как:

1. Чистые коннекторы.

- Коннекторы, выражающие логические, причинно-следственные отношения между составляющими дискурса (所以 suǒyǐ, 因此 yīncǐ, 因而 yīnér ‘поэтому’ и другие).
- Коннекторы аддитивной семантики, которые прерывают смысловую часть и/или начинают новую тему (对 duì, 对了 duìle ‘между прочим, кстати говоря, а вот еще’, 而且 érqiě, 并且 bìngqiě ‘к тому же’ и другие).
- Маркеры переключения, которые выражают противопоставление, вводят контрастное значение к предыдущему высказыванию, либо дополняют или ограничивают смысл предыдущего высказывания (但是 dànshì, 但 dàn, 可是 kěshì, 可 kě ‘но’ и другие).
- Детализирующие коннекторы, которые детализируют, конкретизируют содержание предыдущего высказывания (换句话说 huàn jùhuà shuō ‘иными словами’ и другие).

2. Дискурсивы с семантикой эмфазы.

- Выделительные или усилительные дискурсивы (就 jiù, 就是 jiùshì, 便 biàn, 便是 biànshì ‘именно, именно это и есть, а именно, буквально, как раз’, а также составные конструкции с семантикой сильной эмфазы: 就是...也 jiùshì... yě, 甚至...都 shèn zhì... dōu ‘даже, и то’ и другие).
- Ограничительные дискурсивы (只 zhǐ, 只是 zhǐshì, 只有 zhǐyǒu, 仅 jǐn, 光 guāng, 惟 wéi ‘только, только лишь, всего, всего-навсего, единственно’).

3. Модальные дискурсивные слова.

- Дискурсивы с эпистемической модальностью (其实 qíshí ‘на самом деле’ и другие).
- Дискурсивы, совмещающие оценочную и связующую функции (反正 fǎnzhèng ‘во всяком случае’ и другие).

С целью верификации полученных данных исследовался и материал текстов вэньяня, в которых были выявлены все представленные классы дискурсивных слов и для

древнекитайского языка. В перспективе планируется создать словарь дискурсивных слов современного и древнего китайского языка.

Л.О. Наний, Л.С. Холкина

(Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, Москва)

К вопросу о непрерывности лексических значений: на материале китайских двусложных слов семантических полей ТОЛСТЫЙ и ТОНКИЙ

Для исследований по лексической семантике отправным моментом является определение конкретной семантической зоны (домена, поля), которой будет являться предметом исследования, и установление ее границ. Особенно это верно в отношении проектов по лексической типологии, где точное определение границ сопоставляемых полей является необходимым условием для проведения корректного сравнения.

При этом такое проведение границ часто оказывается задачей, требующей отдельного рассмотрения. Так, в статье [Кюсева и др. 2013] демонстрируется, что при строгом формальном подходе отбора лексем семантическое поле **ТОЛСТЫЙ** помимо описания плоских предметов топологических классов «слой» и «лента», вытянутых предметов топологического класса «канат», а также телосложения человека, должно включать в себя ситуации «сравнительно крупный размер однородных мелких объектов» (крупный песок, сахар, крупа) и «густая консистенция». Это связано с тем, что в определенных языках (китайский, французский) единственной лексемой, которая может использоваться для описания соответствующих ситуаций, является лексема со значением 'толстый'. Таким образом, ситуации, которые воспринимаются нами как относящиеся к разным семантическим зонам (например, толстая книга и густая каша), могут в других языках описываться одной и той же лексемой (колексифицироваться, в терминах [François 2008: 170]), то есть восприниматься как близкие, смежные.

Сложности при определении границ семантического поля связаны, как представляется, с непрерывностью организации лексических значений в естественных языках. В теоретическом плане это явление практически не изучено. Оно возникает не как методика, за счет смежности участников одной и той же ситуации (подробнее анализ методики с этой точки зрения см. прежде всего [Падучева 2004]), а за счет смежности самих ситуаций. С когнитивной и типологической точки зрения оно представляет бесспорный интерес. Например, было бы интересно выяснить, между какими полями обычно происходит такое «взаимопроникновение»? Все ли поля имеют подобных «соседей», или это особенность некоторых полей с определенной семантикой?

Однако методики системного поиска таких «точек соединения», связывающих между собой семантические поля за счет употребления одной и той же лексемы для, как представляется носителю русского языка, далеких друг от друга ситуаций, пока нет.

Интересным инструментом для поиска таких «точек непрерывности» являются база семантических переходов (<http://semshifts.iling-ran.ru/> – см., например, [Zalizniak et al. 2012]) и база колексификации Crosslinguistic Colexifications (CLICS) [List et al. 2014], где фиксируются в основном переходы между отдельными значениями конкретных лексем. Это эффективные способы поиска «смежных» ситуаций, однако они довольно трудозатратны – для заполнения баз необходимо участие большого числа специалистов.

Мы предлагаем рассмотреть способ фиксирования близости семантических зон лексики при помощи анализа материала одного языка, а именно китайского, методом анализа двусложных слов, полученных путем корнесложения.

Двусложные слова составляют более 70% лексического состава современного китайского языка. Согласно подсчетам, проведенным в [Zhou Jian 1999], двусложные слова составляют 67,625% от общего числа вхождений в «Словарь современного китайского языка» (издание 1996 года), включающего в себя довольно значительное количество как редкоупотребительных односложных слов, так и четырехиероглифических сочетаний. Среди всех двусложных слов нас будут интересовать только двуслоги с копулятивным, или сочинительным, типом связи между компонентами. В случае с прилагательными, значения этих компонентов могут претендовать на семантическую смежность, что позволяет нам фиксировать эти «точки непрерывности» между полями.

Мы взяли для этой цели поля **ТОЛСТЫЙ – ТОНКИЙ**, как включающие в себя большое количество двуслогов и, соответственно, потенциал обнаружения «точек непрерывности». По результатам анализа двусложных лексем мы выделили следующие смежные зоны для полей **ТОЛСТЫЙ** и **ТОНКИЙ**:

ТОЛСТЫЙ соседствует с зонами:

ТЯЖЕЛЫЙ (粗重 cūzhòng ‘громоздкий, тяжёлый, крупный’ (толстый + тяжелый)

ГУСТОЙ, ПЛОТНЫЙ (浓厚 nóng hòu ‘густой, плотный’ (о воздухе) (густой, плотный + толстый)

ЧИСТЫЙ / НАСЫЩЕННЫЙ (醇厚 chún hòu ‘чистый (без примеси) и насыщенный (о вкусе)’ (чистый (без примеси) + толстый)

ШИРОКИЙ (宽厚 kuān hòu ‘обширный (о знаниях)’ (широкий + толстый)

ТОНКИЙ соседствует с зонами:

НЕГЛУБОКИЙ (浅薄 qiǎnbó ‘неглубокий, поверхностный’ (мелкий + тонкий)

РАЗРЕЖЕННЫЙ (稀薄 xībó ‘разрежённый (о воздухе)’ (редкий + тонкий)

ГЛАДКИЙ-НЕЖНЫЙ (细嫩 xì nèn ‘гладкий, нежный’ и 细腻 xì nì ‘гладкий, нежный’ (тонкий + нежный)

МЯГКИЙ (细软 xì ruǎn ‘тонкий и мягкий’ (тонкий + мягкий)

СЛАБЫЙ (细弱 xì ruò ‘хилый, слабый’ (тонкий + слабый)

Представляется, что полученный результат ценен для типологических исследований: он подтверждает уже известные случаи связанности семантических полей (коллексификации фреймов) в языках мира, а также дает материал для исследования новых «точек непрерывности»: ‘толстый’ и ‘тяжелый’; ‘тонкий’ и ‘легкий’, ‘тонкий’ и ‘нежный’, ‘тонкий’ и ‘слабый’, ‘тонкий’ и ‘мягкий’. В дальнейшем предстоит проверить, возможны ли подобные совмещения значений в других языках.

Если механизм поиска смежных полей и точек непрерывности через двусложные лексемы китайского языка подтвердит свою эффективность, можно будет говорить о том, что инвентарь исследовательских методов семантиста и лексиколога пополнился новым приемом.

Литература:

[Кюсева и др. 2013] – М.В Кюсева, Д.А. Рыжова, Л.С. Холкина. Лексическая типология: к проблеме определения границ семантического поля (на примере признаков ‘толстый’ и ‘тонкий’). // Guzmán Tirado R., Votyakova I. (eds.) *Tipología léxica – Granada*, 2013.

[Zhou Jian 1999] 周荐 双子组合与词典收条, 《中国语文》, 1999, 第4期. Чжоу Цзянь. Шуан цзы цзухэ юй цыдянь шоутяо (Двухиероглифические сочетания и включение слов в словарь), «Чжунго юйвэнь», 1999, №4

[Падучева 2004] Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. СПб.: Экополис и культура, 2004. 608 с.

[François 2008: 170] François A. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages. // From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic / M. Vanhove (ed.). Amsterdam-New York: Benjamins (Studies in Language Companion Series 106), 2008. P. 163-215

[Zalizniak et al. 2012] Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // Linguistics. 2012. V. 50. № 3. P. 633-669.

[List et al. 2014] List Johann-Mattis, Mayer Thomas, Terhalle Anselm, Urban Matthias. 2014. Marburg: Research Center Deutscher Sprachatlas, CLICS: database of crosslinguistic colexifications. (Version 1.0 <http://clics.lingpy.org/main.php>)

А.С. Панина
(Институт востоковедения РАН)

Глаголы вращения в японском языке

Японскую систему глаголов вращения можно считать ограниченной исконно-японскими глаголами *tawaru* «вращаться», *meguri* «обходить вокруг» и *korogaru* «катиться»; в качестве периферии поля упомянем также *tau* «танцевать; кружиться» и *uzumaku* «образовывать вихрь».

Генерический глагол *tawaru* в прямом значении описывает вращение вокруг внутренней и внешней оси. Частичный оборот – движение по дуге (т.е. не самому короткому маршруту) порождает значение движения через промежуточные пункты, а оно – метафору последовательного перебора. Есть также метафоры нарастающей полноты охвата и вращения как функционирования.

Глагол *meguri* «обходить кругом» в классическом японском языке мог обозначать вращение вокруг внутренней оси, но утратил это значение и сейчас обозначает только движение по маршруту, либо круговому, либо просто замкнутому. Важное отличие *meguri* от синонимичного ему значения глагола *tawaru* состоит в том, что *meguri* способен также метонимически обозначать не только движение, но и статичную кольцевую форму. Два из его переносных значений повторяют аналогичные употребления *tawaru*: движения, охватывающего некоторое пространство или множество пунктов; и поочередный перебор. Есть также значение, не имеющее аналогов среди остальных японских глаголов вращения, но широко засвидетельствованное в других языках – «тема как информационный ориентир».

Глагол *korogaru*, однокоренной с идеофонами вращения *koro*, *korori* и др., может значить «катиться», «падать» и «лежать». В прототипической для *korogaru* ситуации падения траектор, упав, сохраняет инерцию движения и некоторое время катится. Впрочем, фаза качения может быть редуцирована, особенно если падает одушевленный субъект

Глагол *tau* «танцевать; кружиться» исторически является однокоренным с *tawaru* и ранее имел, но утратил значение вращения вокруг внутренней оси. Некоторые описания относят *tau* к глаголам вращения; однако в настоящее время *tau* охватывает лишь периферийные фреймы в поле вращения (плавное движение в воздухе). Целесообразно считать такие употребления *tau* метафорически производными, а основным в современном языке – значение «танцевать».

Глагол *uzumaku* образован от существительного *uzi* «вихрь, водоворот» и глагола *taku* «наматывать», так что не вполне корректно считать его производным. Он обо-

значает вихревое движение, обычно жидкостей, газов или пламени. Основное переносное значение *uzumaku* – сильные эмоции и их проявления.

Т.Г. Погибенко
(Институт востоковедения РАН, Москва)

Лексический комплекс в австроазиатских языках

1. Данное сообщение посвящено проблеме лексического комплекса (ЛК) в австроазиатских (АА) языках в сопоставительном и диахроническом аспектах.

2. Комплексность единиц номинации является общей важной типологической чертой изолирующих языков Азии. ЛК – это комбинации полных слов, представляющие собой структурные и семантические единства особого рода, которые отличаются от сложных слов и словосочетаний. ЛК как частотная языковая единица номинации широко представлена в мон-кхмерских языках, например, в кхмерском, вьетнамском, ма.

Сравнение на всем пространстве типологически неоднородных АА языков – мон-кхмерских, мунда и никобарских – позволяет предполагать, что ЛК существовал в языке, и что его рефлекс в современных АА языках разные. В никобарских языках можно выделить два типа рефлексов: суффиксы, происходящие от компонентов ЛК – полных лексем, сохранившихся в этой функции в других АА языках, и ЛК, состоящие из многосложных слов, которые приобретают атрибуты синтаксически сочиненных предикатов.

3. Нетривиальные пути развития ЛК в диахронии австроазиатских языков создают немалые трудности для сравнительных и исторических исследований. Их рефлекс нередко служил базой спорных гипотез и предположений, как, например, предположение о том, что в диахронии АА языков шел процесс удлинения слова. Так, Д.И. Еловков считает, что в кхмерском языке однослоги превращались в двуслоги или однослоги со стечением согласных в инициали. Один из примеров такого рода – это обще-АА слово «нос» [Еловков 2006]. Американские ученые Н. Зайд и Г. Андерсон, в свою очередь, выдвинули предположение, что параллельное существование двусложной и односложной форм слова в языках мунда и других АА языках, объясняется тем, что в языке имя, выступающее в вершине именной группы, не могло быть меньше двух мор. [Anderson, Zide 2002].

4. Специфические преобразования и процессы опрощения ЛК в диахронии австроазиатских языков оставили много загадочных рефлексов: «эхо-формы» в языках мунда, слова с асемантическими слогами в мон-кхмерских языках, обилие единиц номинации, имеющих форму повторов.

Литература

Еловков Д.И. Структура кхмерского языка. Фонетика. Фонология. Грамматика. Лексика. Семантика. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. С.-Пб.: 2006.

Погибенко Т. Г. Факторы, искажающие результаты лексикостатистики в австроазиатских языках // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы IX Международной конференции. М.: – 2011. С. 102–111.

Погибенко Т.Г. Глагольный лексический комплекс в кхмерском языке // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы X Международной конференции. М.: 2012. С. 199-209.

Anderson G., N. Zide. Issues in Proto-Munda and Proto-Austroasiatic Nominal Derivation: The Bimoraic Constraint // Papers from the 10th Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistic Society. Marlys A. Macken (ed.). Tempe, AZ: Arizona State University, 2002. P. 55-74.

Е.Л. Рудницкая
(Институт востоковедения РАН)
Хван Соген
(Университет Ёнсе, Сеул)

Сочетаемость полу-вспомогательных глаголов с лексическими глаголами в корейском языке: внутренний предел и точка отсчета

Сочетания полнозначного с полу-вспомогательным глаголом V_1+V_2 – это подкласс сериальных конструкций. Нас интересуют полу-вспомогательные глаголы V_2 , которые по своим семантическим свойствам позволяют придать основному глаголу V_1 определенную аспектуальную характеристику. Речь идет не о категории вида, а об определенной интерпретации глагола V_1 в сочетании с тем или иным V_2 . Ни один из V_2 не имеет конкретного видового значения из набора стандартных выделяемых значений [Плунгян 2010: 294-308], например, V_2 *tay-* ‘трогать’ в разных контекстах обозначает итеративность или интенсивность процесса или действия.

Дж.-Б. Ким подробно проанализировал значение и употребление так называемой «результативной» конструкции $V_1-a/e+V_2$ (*iss-ta* ‘существовать’) [*-a/e* и *-ko* (далее) – это показатели нефинитной формы глагола (инфинитива, конверба)]. Дж.-Б. Ким утверждает, что конструкция $V_1-a/e + V_2$ (*iss-ta*) возможна, только если V_1 – действие или процесс, которое достигло своего предела, и этому пределу предшествовала «подготовительная» фаза движения к этому пределу [Kim 2013: 1051]. В этой конструкции возможны некоторые V_1 – сошествия (по З. Вендлеру), например «прибыть» (этому свершению предшествует период движения к конечной точке), но невозможно V_1 «взорваться» – тут свершению эксплицитно не предшествует подготовительная фаза.

Мы исследуем структуру V_1+V_2 с точки зрения наличия у V_1 предела в контексте более широкого класса V_2 : (V_1-a/e)+ *pe-li-ta* ‘бросать’, (V_1-ko)+ *mal-ta* ‘переставать’, (V_1-a/e)+ *na-y-ta* ‘показывать’/*noh-ta* ‘класть, помещать’/*twu-ta* ‘откладывать’), (V_1-a/e)+ *o-ta* ‘приходить’/*ka-ta* ‘идти’.

С V_2 *pe-li-ta* употребляются глаголы V_1 , обозначающие достижения или сошествия; с *mal-ta* сочетаются неагентивные глаголы, обозначающие сошествия (мы здесь и далее следуем терминологии работы [Падучева 2011]), и также глаголы, обозначающие достижения (если приведшая к достижению деятельность не находится в фокусе внимания). Для *pe-li-ta* и *mal-ta*, (их принято рассматривать как несущие значение комплетива/терминатива) не важно наличие действия или процесса, которые закончились.

С V_2 *na-y-ta/noh-ta/twu-ta* (комплетив) употребляются глаголы V_1 достижения, обозначающие агентивные действия и имеющие внутренний предел. Для этих глаголов важна фаза, предшествующая самому достижению (пределу действия).

С V_2 *o-ta* употребляются стативные глаголы: отношения («зависеть»), устойчивые состояния («ненавидеть»), а также постоянные деятельности («дружить»). С V_2 *ka-ta* ‘идти’ сочетаются глаголы, обозначающие постоянные деятельности и неопредельные процессы («гореть»). У V_1 нет внутреннего предела, но все же есть какой-то предел. *O-ta* вносит понятие временного предела – точки отсчета (она может совпадать с моментом речевого акта), вплоть до которой V_1 имеет место: [Yeon Brown 2011: 236], ср. англ. *He has always hated John*. *Ka-ta* употребляется, если в контексте упомянуто (подразумевает-

ся), что деятельность (процесс) будет продолжаться после точки отсчета, в частности, если эксплицитно указано, что процесс имеет предел («Дрова догорают», букв. «Дрова горят и скоро догорят»).

В докладе сочетания с упомянутыми полу-вспомогательными глаголами анализируются более подробно, с учетом модальных компонентов этих глаголов.

Литература

- Падучева Е.В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру. Вопросы языкознания, 2009, №6, 3-21.
- Плунгян, В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. Изд. 3. М.: УРСС, 2010.
- Kim J.-B. Aspectual properties of Korean imperfective constructions // Language and linguistics 14.6, 2013. P. 1035-1074. P. 1051.
- Yeon J., Brown L. Korean. A comprehensive grammar. London-New York: Routledge, 2011.

Н.Г. Румак

(Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва)

К вопросу о лексикографическом описании ономатопозитических слов японского языка

При составлении словарных статей для ономатопозитических слов японского языка необходимо иметь в виду следующие особенности этого слоя лексики.

Во-первых, некоторые лингвисты (например, С. А. Быкова) отказывают ономатопозитическим единицам в собственном лексическом значении, утверждая, что они обладают значением только в устойчивых словосочетаниях. Для опровержения этого спорного утверждения необходимо иметь критерий определения самостоятельности лексического значения единицы. В противном случае словарная статья должна обязательно перечислять те единицы, с которыми сочетаются описываемые ономатопозитические слова.

Во-вторых, некоторые исследователи указывают на одновременную актуализацию в одной единице разных значений, что позволяет употреблять ономатопозитические единицы, в частности, в поэзии хайку, создавая богатые ассоциативные ряды. В этом случае, очевидно, задача лексикографического описания – как можно точнее указать все элементы значения (семы), которые могут реализоваться в том или ином контексте. Для этого необходимо разработать критерии выделения релевантных для описания компонентов значения единицы: соотносённость со звуком или образом, движением или состоянием, тактильным, аудио- или визуальным восприятием и так далее – например, на основе семантических категорий, предложенных С. В. Чироновым. Для каждой категории, кроме общих (интенсивность, положительное/отрицательное восприятие и т.п.) могут существовать свои наборы сем: направление, скорость, частота, количество и т.д.

В качестве ещё одного подхода лексикографического описания ономатопозитических единиц можно предложить использование набора семантических примитивов Анны Вежбицкой. Такие наборы разработаны для разных языков, в том числе для японского. Подобное описание для японских ономатопозитических слов, обозначающих боль или различные эмоции, предлагали, например, Ю. Асано-Кавана и Р. Хасада, однако можно предположить, что эта область к настоящему моменту ещё недостаточно исследована.

Многозначность ономатопозитических слов, очевидно, не представляет сложности с точки зрения лексикографического описания. Опираясь на общие тенденции развития

лексического значения многозначных единиц от конкретных к абстрактным путём метонимического или метафорического переноса, целесообразно располагать эти значения в логическом порядке их развития. Однако необходимо иметь в виду возможность «ветвления» значений, каждое из которых также в дальнейшем развивается путём метафорического или метонимического переноса. В таких случаях каждую отдельную «ветку» целесообразно описывать до перехода к следующему значению, поскольку отражение «ветвящейся» структуры в словаре невозможно. Подобный подход обнаруживается, например, в «Словаре употребления звукоподражательных и звукоизобразительных слов» Т. Атоды и К. Хосино (Гионго-гитайго цукаиката дзитэн), по образцу которого составлен «Толковый японско-русский словарь ономатопоэтических слов» Н. Г. Румак и О. П. Зотовой.

И.В. Самарина

(Институт языкознания РАН, НИУ Высшая школа экономики, Москва)

Повторы во вьетском языке данлай

В рамках проекта РФФИ – ВАОН № 17-24-09001 в 2017 году были проведены полевые исследования языков данлай и поонг. Настоящее исследование базируется на собранных полевых материалах.

Язык данлай входит в подгруппу тхо вьетской группы мон-кхмерских языков. Помимо него, основными представителями этой группы на территории Вьетнама являются языки куой, поонг и тхо. Эти четыре языка распространены в провинциях Нгеан и Тханьхоа на севере Центрального Вьетнама. Общая численность носителей ок. 30 тыс. чел. Языки тхо сохранили меньше консервативных черт, чем архаичные вьетские языки подгруппы тьыт, тем не менее они еще не достигли того уровня моносиллабизма, который характерен для вьет-мыонгской подгруппы, включающей вьетнамский язык и языки мыонг и нгуон.

В языке данлай сохранилось некоторое количество полуторасложных лексических единиц (tɣj̄¹ kəzɛs¹ ‘ковылять’, kədɛp̄¹ ‘хромой’, kəʃɛ¹ kəʃak¹ ‘ссадина’ и др.), при этом в пресиллабах была зафиксирована только одна инициаль – k-, которая обычно является наиболее частотной инициальной пресиллабов в мон-кхмерских языках. Следует отметить наличие инициальных консонантных кластеров kl- (kl̄ɣn¹ ‘питон’), kʰl- (kʰlot¹ kʰlot¹ ‘сверчок’), pl- (pl̄ɣj̄¹ ‘небо’), pʰl- (pʰl̄ɣɰ¹² ‘гора’), bl- (bl̄əɰ¹² ‘рожать’), ml-, которые достаточно часто, особенно кластеры, первым компонентом которых является заднеязычный k-, встречаются в лексических единицах, что свидетельствует о незавершившемся процессе моносиллабизации в языке данлай и о сохраняющихся в языке механизмах этого процесса. Наличие повторов – дисиллабических единиц, – это источник возобновления моносиллабических процессов в языке: первый компонент повторов произносится слабее и редуцируется в связи с общими принципами организации фонетических синтагм в этих языках, что превращает постепенно повторы в полуторасложные единицы, которые затем постепенно трансформируются в моносиллабические единицы. Ср. пары слов, в которых полному повтору в языке данлай соответствуют полуторасложные единицы в языке поонг: данлай rɛɰ̄¹ rɛɰ̄¹ ~ поонг kərəɰ̄¹ ‘щека’; данлай buj̄¹ buj̄¹ ~ поонг kabui¹ ‘губа’.

В изолирующих полуторасиллабических и моносиллабических языках основными способами словообразования являются словосложение, повторы и аффиксация. Как и в других изолирующих языках, в языке данлай граница между сложным словом и словосочетанием для лексических единиц, образованных способом словосложения, размыта.

Имеются основания считать большинство подобных лексических единиц словосочетаниями. Аффикация как способ словообразования в языке данлай практически утрачена. Особенностью лексики языка данлай является наличие существенно большего, по сравнению с другими вьетскими языками, количества повторов. При этом преобладают полные повторы, в то время как, например, для вьетнамского языка более типичны частичные повторы. По нашим наблюдениям, когда база повтора является значимым компонентом, повтор можно считать «словарной формой слова», а в сочетаниях и предложениях возможным бывает употребление однослога, а не повтора: $kun\downarrow\ tuc\downarrow\ t\check{x}t\downarrow$ (букв. свинья + рыть + земля) 'свинья разрывает (рылом) землю', ср. $tuc\downarrow\ tuc\downarrow$ 'рыть', 'разрывать'. Обычно повторы служат для образования лексических единиц и в редких случаях употребляются для выражения грамматического значения, например, ослабления качества: $k\check{a}n\downarrow$ 'красный' → $k\check{a}n\downarrow\ k\check{a}n\downarrow$ 'красноватый'.

Т.А. Сафин

(Московский государственный университет)

Перевод словаря Шовэнь цзецзы и создание современного этимологического словаря китайского языка

Шовэнь цзецзы – известный любому синологу этимологический словарь китайских иероглифов, созданный во II в. н.э. ханьским ученым Сюй Шэнем. Даже для современного филолога Шовэнь остаётся настольной книгой, и цитатой из него открывается, наверное, большинство статей, которые посвящены этимологии отдельных иероглифов. С другой стороны, при сопоставлении с данными эпиграфически становится очевидно, что слишком многие сведения словаря недостоверны. Поэтому его перевод и комментирование на современном этапе предполагают привлечение большого массива эпиграфических источников [3].

В Школе актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС действует проект по переводу данного словаря, который является частью куда более амбициозного плана: создания базы данных по этимологии китайского языка. По сравнению с обычным этимологическим анализом, аналогичный процесс в синологии имеет свои особенности, обусловленные иероглифической системой письма, и состоит как бы из двух этапов: анализа собственно слова и анализа иероглифа, которым это слово записывается. Подлинно этимологический анализ предполагает анализ слов, а также связей между словами диалектов китайского языка, родственных языков Сино-Тибетской и Сино-Кавказской семей и т.д. Но поскольку звучание древнекитайского языка ещё не до конца реконструировано [1; 4], первичным оказывается исследование графических форм.

Китайские иероглифы можно разделить на два типа: фонетические и нефонетические: фонетические иероглифы содержат элемент, намекающий на произношение (другой иероглиф с известным звучанием), иероглифы второй категории изображают предметы, действия или явления [2, 45–65]. Но поскольку китайскому языку свойственна высокая степень омонимии, оба типа иероглифов могут использоваться для записи нескольких, порой этимологически не связанных слов (особенно в древних текстах). То есть, набор слов китайского языка и набор иероглифов не вполне совпадают друг с другом, а связи между ними часто запутаны и противоречивы.

Классические китайские этимологические словари (в частности, Шовэнь) организованы по иероглифическому принципу. То есть, в группы объединяются иероглифы, имеющие одинаковые элементы (ключи), а анализируется происхождение иероглифов и

спектр их значений. Современные словари предпочтительнее организовывать пословно [5], но для этого необходимо отделить слова от иероглифов и определить лексический состав языка. Задача не из легких, учитывая, что многие слова могут записываться несколькими иероглифами, а по употреблению иероглифа в текстах мы не всегда можем определить какое слово он записывает, использован в переносном значении или для записи омонимичного слова и т.п.

Литература

1. Старостин С.А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М.: Наука, 1989.
2. Хуан Тяньшу 黃天樹. Шовэнь цзецзы тунлунь 說文解字通論 (Общий комментарий к словарю Шовэнь цзецзы). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2014.
3. Цзи Сюйшэн 李旭昇. Шовэнь синьчжэн 說文新證 (Новые данные о словаре Шовэнь). Фучжоу: Фучзянь жэньминь чубаньшэ, 2010.
4. Baxter W.H., Sagart L. Old Chinese. A New Reconstruction. New York: Oxford University Press, 2014.
5. Schuessler A. ABC Etymological Dictionary of Old Chinese. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007.

А.Н. Сбоев

(Дальневосточный федеральный университет, Владивосток)

Словари и сборники интернет-лексики современного китайского языка

В современных словарях неологизмов появляется все больше и больше лексики интернет-общения, в последние годы также стали появляться словари и сборники, содержащие только интернет-лексику. Данные словари и сборники стали предметом нашего исследования.

Материалом исследования послужили «Словарь интернет-языка Синьхуа» (2012) [2946 лексических единиц и сочетаний и 280 эмограмм], «Новейший словарь терминов интернет-коммуникации» (2014) [2011 единицы и сочетания и 327 эмограмм], «Сборник интернет-неологизмов» (2014) [670 единиц и сочетаний], сборник «Слова Интернета» (2014) [208 единиц и сочетаний].

Анализ состава лексических единиц указанных выше словарей и сборников интернет-лексики выявил достаточно сильное отличие словарей интернет-лексики от других словарей китайского языка.

Остановимся на некоторых явных особенностях. Так, 28,1% всей лексики «Словаря интернет-языка Синьхуа» составляют буквенные слова.

Цифровые слова не менее распространены среди интернет-пользователей. «Словарь интернет-языка Синьхуа» содержит 482 слова и словосочетания, записанные цифрами.

Стоит также отметить и визуальные образования. Несколько слов, созданных таким способом, записаны в данный словарь. 0,6% лексики «Словаря интернет-языка Синьхуа» образовано данным способом.

В «Новейшем словаре терминов интернет-коммуникации» 561 слово и словосочетание, записанные буквами и 241 слово и выражение, записанные цифрами. «Сборник интернет-неологизмов» содержит 14 слов, записанных полностью буквами и ни одного

слова, записанного полностью цифрами. В сборнике «Слова Интернета» также отсутствуют слова, записанные цифрами, а слов, записанных полностью буквами всего три.

Необходимо отметить, что все рассматриваемые словари и сборники интернет-лексики включают в себя и популярные в Интернете фразы и выражения.

Проанализировав источники данного исследования, а также учитывая современные тенденции развития китайского языка, можно выделить следующие вопросы, с которыми сталкиваются составители словарей современного китайского языка:

1. Стоит ли записывать цифровые слова в порядке следования букв в алфавите «Пиньинь цзыму» или стоит делать для них отдельное приложение или главу словаря.

Справедливо ли в равной степени вносить в словарь слова и целые предложения, записанные цифрами.

Стоит ли разграничивать цифровые слова, созданные по созвучию с иностранным словом или словосочетанием и по созвучию со словом или словосочетанием китайского языка.

2. Схожие вопросы возникают и с буквенными словами, ведь буквенные слова также могут обозначать слово или словосочетание, также могут быть как заимствованными, так и буквенной записью китайских слов.

3. Как поступать с популярными выражениями? Записывать по алфавиту наряду с другими словами или выделять их в отдельную часть словаря.

4. Нужно ли вносить в словарь эмограммы?

Ответы на эти вопросы современная китайская лексикография решает сейчас и будет решать в ближайшее время.

А.А. Смирнитская

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Семантическая изменчивость терминологии родства с типологической точки зрения (на материале тамильского языка и телугу)

В истории языкознания можно говорить о периодах, когда лексическое значение понималось как неизменяемая сущность, и периодах изучения динамического аспекта лексического значения. Так, с античных времен был распространен подход, представляющий значение неизменной во времени сущностью, единственным изменением которого был акт первоначального наименования. В диалоге Платона «Кратил» герой рассуждает о том, что боги давали имена предметам правильно, а если за это возьмется человек, он должен обладать достаточными способностями: «не всякий является мастером имен» [6]. При этом явные образцы этимологических построений, предполагающие динамическое изменение лексического значения слова, в диалогах Платона отсутствуют [2]. Сравнительно-историческое направление, бурно развивающееся в языкознании с конца XVIII века, наоборот, рассматривает лексическое значение как сущность, изменяющуюся во времени. Для реконструкции отношения наследования между двумя лексическими единицами, помимо наследуемой формы необходимо установить наследование «содержания». При этом, как указывают С.А. Старостин и С.А. Бурлак, «доказательство семантического сходства при поиске этимологий подразумевает тщательный анализ значения вовлекаемых в сравнение лексем [1]. Значительное число таких фактов семантической эволюции было проинтерпретировано в XIX – первой половине XX в., «в частности, в ходе создания основных этимологических словарей индоевропейских языков» (М. Фасмера, В. Мейер-Любке, А. Брюкнера, А. Эрну и А. Мейе, Ю. Покорного и

др.) [3]. Был поставлен вопрос об основных типах изменений значения: сужение, расширение, смещение по Г. Паулю [4].

Поворот к синхронному изучению языка, произошедший в XX веке, сместил акценты в языкознании. Возник компонентный анализ, когнитивная семантика, развивалась Московская семантическая школа. Однако в конце XX – начале XXI вв. изучение динамического аспекта лексических значений вновь становится предметом исследования. Семантическая деривация, семантические сдвиги описываются, например, в известной работе Е.В. Падучевой «Динамические модели в семантике лексики» и в других исследованиях. Исследование большого количества языков в семантической типологии привело к появлению понятий семантического сближения (*semantic affinity*), семантической параллели (*semantic parallelisms*), лексического изменения (*lexical change*) и семантического перехода (*semantic shift*) [7, 8].

В данной работе в рамках концепции «семантических переходов» Анны А. Зализняк [3, 9] рассматривается лексико-семантическая группа «термины родства», весьма неоднородная по семантической изменчивости. Системы терминов родства в тамильском языке и в родственном ему языке телугу рассматриваются с точки зрения изменчивости значения, приводится описание семантических переходов разных лексических пластов в семантическом поле «термины родства».

Литература

1. Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Издательский центр «Академия», 2005.
2. Гринцер Н.П. Платоновская этимология и софистическая теория языка //Платоновский сборник. Т. 2. М., Спб: РГГУ–РХГА. 2013. С. 53-83.
3. Зализняк, Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006.
4. Звегинцев В. А. Семасиология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.
5. Фрейденберг О.М. ред. Античные теории языка и стиля. Ленинград, Соцэкгиз, 1936.
6. Koch, Peter. Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view. In Martin Haspelmath et al., Language typology and language universals: An international handbook, vol. 2. Berlin & New York. 2001. P. 1143–1175.
7. Vanhove M. (ed.) From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. Amsterdam, 2008.
8. Электронный ресурс: DatSemShift: Database of semantic shifts in the languages of the world. Zalizniak Anna A., M.Bulakh, D. Ganenkov, I.Gruntov, T.Maisak, M. Rousseau: sem-shifts.iling-ran.ru Дата доступа: 14.03.2018.

Э.К. Собиров
(Институт языкознания РАН, Москва)

Арабизмы религиозного содержания в литературном таджикском языке новейшего периода

Общеизвестно влияние арабского языка на лексику многих языков стран Ближнего и Среднего Востока. Наш доклад посвящен арабизмам религиозного характера в литературном таджикском языке новейшего периода. Материал доклада получен при со-

поставлении таджикско-русских словарей 50-х годов XX в. и начала XXI в., из анализа современных таджикских СМИ, а также из собственных наблюдений автора, этнического таджика.

В целом арабская лексика с религиозной семантикой в значительно большей степени представлена в новых словарях, чем в старых, что обусловлено известными идеологическими причинами. Например, в старом словаре (далее: ТРС) представлена лексема **дуо** ‘молитва’, но отсутствует лексема, обозначающая бога. Она представлена в новых словарях (далее: ФТР): **аллох** *рел.* ‘аллах; бог’. Там же см. фразеологизмы **аллоху акбар** ‘аллах велик’ и **аллоху аьлам** ‘бог знает; бог ведает’. Арабизм *’allāh*, очевидно, происходит от *’ilāh* ‘божество, имя бога’ – до исламской религии имя одного из высших божеств аравийского, мекканского пантеона. Существительное **алхамд** в [ФТР] дано с пометой *рел.* и общим смыслом ‘первое слово первой суры Корана’, но там отсутствует перевод этого слова: ‘хвала, прославление, благодарность, слава богу’ [Арабско-русский словарь].

Далее мы остановимся на *тематических* группах арабизмов, представленных в новых таджикско-русских словарях и на особенностях их *словообразования*.

Обозначения бога и святых, в том числе эпитеты бога, пророка и халифов: **таоло** *рел.* всевышний (*эпитет бога*); **маликуларш** *рел.* ‘царь небесный; бог’ (*букв.* царь небесного трона); **гаффор** ‘милосердный, всепрощающий (*эпитет бога*)’; **малоика** *разг.* ‘ангел’; **салавот** *мн. ч. от салот* ‘молитва’; **мустафо** *кн.* ‘избранный; избранник (*эпитет пророка Мухаммада*)’.

Лексика, обозначающая конец света, страшный суд и ад: **асфалуссофилин** *рел.* ‘преисподняя; ад, тартар’; **саир** *кн.* ‘пламя; *перен.* геенна; ад’; **киёмат** *рел.* ‘воскрешение из мёртвых; страшный суд’.

В плане *словообразования* заслуживают внимания *гибридные слова*, составленные из двух основ: арабской и таджикской: **фуслхона** ‘помещение для ритуальных омовений тела’; **дуогуй//омингуй** ‘молельщик’; **тариқатшинос** ‘суфий’.

Словообразовательные модели с таджикскими (иногда арабскими) суффиксами - она, -гй, -а, -й: **иблисона** ‘по-дьявольски, демонически; хитро, лукаво’; **муфтигй** ‘звание муфтия; занятие муфтия’; **сайида** ‘хозяйка; госпожа; дама’; **такфирй** ‘отлученный’.

Многие из арабизмов в литературном таджикском языке новейшего периода носят книжный и даже архаичный характер.

О.В. Столбова

(Институт востоковедения РАН, Москва)

К проблеме семантической реконструкции (на материале «Этимологического словаря чадских языков»)

Семантическая реконструкция (т.е., процедура восстановления древнего значения слова) наряду с фонологической, является составляющей этимологического исследования (устанавливающего происхождение слов в отдельных языках).

Задача семантической реконструкции – наиболее точно и полно описать значение реконструируемых лексических единиц. Если фонетическая реконструкция – это полностью формализованная процедура, то «приемы семантической реконструкции – это хорошая эмпирия (правильное описание значений и употреблений слов) плюс неизменный здравый смысл (готовность к пониманию специфики воссоздаваемой эволюции значения без анахронистических атрибуций современных воззрений древним эпохам) и плюс компетентность в типологии формирования близких значений в разных языках, и все это – на фоне прочного знания формально-этимологических приемов или принципов, за

которыми должны стоять вся сравнительная грамматика и все общее языкознание» (О.Н. Трубачев «Приемы семантической реконструкции»).

В докладе рассматриваются наиболее типичные для чадских языков примеры синхронной полисемии (совмещения двух разных значений в пределах одного слова, например, ‘скот’ и ‘богатство’, ‘жить’ и ‘сидеть’) и диахронической семантической эволюции (‘бить’ > ‘молоть’). Приводятся примеры того, как удается установить иерархию: первичная ~ производная лексемы (используя метод аналогии и/или привлекая материал генетически родственных языков). Учет всех этих факторов позволяет повысить надежность семантической реконструкции. На примере словаря языка купто (Р. Легер, не опубликован) будет показано, что результат напрямую зависит и от лексикографических характеристик словарей и списков слов по отдельным языкам.

О.В. Тихонова, Л.А. Шакунова

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Обозначения церковных реалий и должностей в архиве толедских мосарабов XII и XIII вв.

Архив толедских мосарабов XII и XIII вв. был расшифрован, переведен с арабского на испанский и опубликован в четырех томах Анхелем Гонсалесом Паленсией в 1926-1930 гг. За время испанской Реконкисты территория Толедо неоднократно оказывалась то в руках испанцев, то арабов. Архив представляет собой собрание из 1175 документов, представляющих частные правовые документы, регистрирующие имущественные сделки между частными лицами, а также между частными лицами и церковными организациями. 785 документов относятся непосредственно к толедскому кафедральному собору Св. Марии. Хронологические рамки документов с 1083 г. до нач. XIV в.

Почти все документы написаны по-арабски. Кроме того, 21 документ написан еврейскими буквами на арабском, 3 по-латыни, 1 по-романски. Непосредственный филологический интерес вызывает лексика, используемая мосарабами (христианское население халифата, говорящее на романсе). Даже язык священнослужителей насыщен арабизмами. Так, многие письма начинаются с формулы исповедания Аллаха «Бисмалля» (بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ), а свидетели клянутся именем «Аллаха Великого» (الله أكبر).

Толедский архив – ценный источник не только для историков, но и для филологов. В письмах, написанных по-арабски, содержится довольно много транслитерированных романских слов. Помимо имен собственных, это лексика, отражающая реалии, не характерные для арабской культуры. Так, для обозначения испанского короля используются как арабские слова – «эмир» (امير), «султан» (سلطان), «малик» (ملك), а в тех случаях, когда в арабском языке не было соответствия для обозначения романского понятия, использовалась транслитерация этого слова арабскими буквами: “emperador”, “criason”, “samarego” и т. п.

Особый интерес представляют обозначения церковных должностей, многие из которых греческого происхождения: “arzobispo”, “arcipreste”, “arcediano”, “dean”, “capiscol”, “capellán”, “canónigos” и др. Иногда для этого используются арабские слова: например, «капеллан» (capellán) именуется «имамом» (إمام). В других случаях применяется транслитерация: «архидьякон» (arcediano) передается как الارجدياقن. А в отдельных случаях наблюдается соединение арабского слова с транслитерированной романской приставкой: «протоиерей» (arcipreste) – الارحقيس. Толедский собор при этом называется мечетью الجامع.

Е.А. Хамаева, Д.М. Домашевская

(Иркутский государственный университет)

Этимологии базовых знаков китайской письменности¹

Принято считать, что предмет этимологии как раздела языкознания заключается в изучении источников и процесса формирования словарного состава языка и реконструкция словарного состава языка древнейшего периода (обычно дописьменного). Соответственно, этимология прежде всего связана с лексикой и семантикой (Топоров, 2004). А два основных участника порождения слова как некоей важной, отчасти даже основоположной единицы языка – есть звук и смысл (Топоров, 2004).

По-другому обстоит дело в китайском языке, который обладает идеографическим письмом. Если знаки языка представляют собой иероглифы, которые есть графические изображения, имеющие свое значение (Готлиб, 2007), – то мы также пытаемся вскрыть значение, но уже не в связке «звук – значение», а скорее в связке «графический знак, иероглиф – значение». Это значит, что и этимология таких знаков будет представлять собой нечто иное – реконструкцию не столько звучания единицы в связи со значением, а реконструкцию ее написания, ее графической формы.

Безусловно, китайская письменная система в своей непосредственности воспринимается, прежде всего, как словесная, логографическая (Готлиб, 2007). Но следует обратить внимание на то, что знаки китайской письменности «определенным образом организованы, и эта организация носит свой, своеобразный характер, в значительной степени отличный от принятой организации лексического состава языка» (Готлиб, 2007, с. 9).

Все это говорит о том, что в китайском языке возможна не только логографическая этимология, но и идеографическая этимология, которая будет носить скорее семиотический характер, поскольку китайский иероглиф «прежде всего является знаком» (Готлиб, 2007, с. 40) и их анализ следует осуществлять именно в семиотическом аспекте.

Первая работа в этом направлении была осуществлена древними китайцами еще в 100 г. н.э., когда Сюй Шэнем (30-124) был составлен словарь «Шо вэнь цзе цзы», который «почти до конца XIX в. был главным источником сведений о древнейшем состоянии китайской письменности» (Духовная культура Китая, 2009). Как известно, именно в этом словаре впервые различаются простые знаки – вэнь (文) и сложные – цзы (字), приводится описание шести категорий иероглифов – лю шу, впервые представляется называемая в отечественном языкознании «ключевая система» расположения знаков. В частности, все иероглифы объединены в пятьсот сорок групп по входящим в их состав основным смысловым элементам (бушоу). Именно эти пятьсот сорок простых знаков, которые легли в основу всего множества сложных китайских иероглифов, и представляется возможным признать базовыми знаками китайской письменности.

Но, несмотря на известность, и словаря, и списка простых и сложных знаков, между тем, в синологии по-прежнему остаются нерешенными ряд вопросов, которые представляется возможным назвать грамматологическими. Это и сама идея категоризации иероглифов, и классификация, предложенная Сюй Шэнем, часто вызывающая критику, и возможность выдвижения каких-либо иных классификаций. Это проблема терминов, потому как в отечественной грамматологической науке наблюдается некоторая терминологическая путаница относительно интерпретации основных единиц китайского письма, таких, как «ключ», «графема» и т.д. И самое главное – это собственно базовые знаки, предложенные автором в количестве пятисот сорока. Современному исследователю, безусловно, невозможно судить о логике великого ученого, жившего несколько тысячелетий назад. Но все же вызывает интерес и эта цифра – ведь некоторые из знаков,

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 17-04-00208.

по мнению современного читателя, представляют собой «практически одно и то же». Например, знак «сердце» и знак «три сердца» позиционируются, как базовые и по отдельности входят в список простых. Это существование различных комментариев, в которых порой даются различные интерпретации одних и тех же простых знаков. И не менее важный вопрос – это трансформация списка от пятисот сорока до, например, двухсот четырнадцати или двухсот пятидесяти и пр. Дело в том, что в различных источниках и словарях эта цифра и по сей день варьируется и не совсем ясно, в зависимости от чего, какое правило лежит в основе выборки. И, наконец, необходимость перевода самого словаря и комментариев к нему на русский язык.

Литература:

Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 284 с.

Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – М.: Восточная литература, 2006. – Т. 1. Философия / Под ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов., – 727 с.

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 816 с.

Л.В. Хохлова

(Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва)

Семантическое поле «падение» в трех родственных новоиндийских языках: хинди, панджаби и гуджарати

В данной работе сопоставляются семантические поля падения в трех близкородственных западных новоиндийских языках: хинди, панджаби и гуджарати. Рассматриваются, во-первых, этимологически различные глаголы: х. *gīrnā*, п. *ḍignā*, г. *lathṇā*, г. *ḍhalvuⁿ*, во-вторых, когнаты – этимологически родственные слова, значения которых частично разошлись в процессе исторического развития: х. *paṛṇā*, п. *paṛṇā*, г. *paṛvuⁿ/paṛījavuⁿ*; х. *ḍhahnā*, п. *ḍhahinā* [*tæ↓nā*]; х. *ṭapaknā*, п. *ṭapakṇā*, г. *ṭapakvuⁿ*; х. *barasnā*, п. *barasṇā/varasṇā*, г. *varasvuⁿ*.

Основой описания послужили базовые ситуации, выделенные для семантического поля «падение» в исследованиях Московской лексико-типологической группы.

I. Падение с высоты (прототипическое падение: неконтролируемое движение под воздействием силы тяжести), а также опрокидывание на плоскости: х. *gīrnā*, п. *ḍignā*, г. *paṛvuⁿ/paṛījavuⁿ*; в г. во втором значении возможно также *ḍhalvuⁿ*.

II. Разрушение (предмет теряет целостность, при этом его части падают): х. *gīrnā*, *ḍhahnā*, г. *ḍhalvuⁿ*; когнаты: х. *ḍhahnā*, п. *ḍhahinā*.

III. Отделение части от целого: х. *gīrnā*, п. *lathṇā* (волосы, зубы); когнаты: х. *ṭapaknā*, п. *ṭapakṇā*, г. *ṭapakvuⁿ* (падение спелых плодов).

V. Падение жидкости: х. *gīrnā* (осадки), когнаты: х. *paṛṇā*, п. *paṛṇā*; х. *ṭapaknā*, п. *ṭapakṇā*, г. *ṭapakvuⁿ* (осадки, капли).

Переносные значения:

1. Падение с высоты > уменьшение параметров (уровень воды, кровяное давление, температура, цены, уровень жизни, моральная деградация); падение тени (на кого-либо): х. *gīrnā*, п. *ḍignā*, г. *paṛvuⁿ/paṛījavuⁿ*.

2. Опрокидывание на плоскости > падеж скота: х. *gīrnā*, п. *ḍignā*, г. *paṛvuⁿ/paṛṭjavuⁿ*, в г. *ḍhalvuⁿ* – склоняться к чьему-либо мнению.
3. Разрушение > обрушение империи и т.п.: х. *ḍhahnā*, п. *ḍhahinā*.
4. Отделение части от целого > пройти о любви (выпасть из сердца): х. *gīrnā*.
5. Падение жидкости: а) капли > неожиданное появление (как снег на голову): х. *ṭaraknā*, п. *ṭarakṇā*; б) осадки: сыпаться дождем (например, об ударах или, напротив, о дарах): х. *barasna* и его когнаты.

Большая часть общих для описываемых языков метафор связана с глаголом х. *paṛṇā* и его когнатами:

«падают» удары, новости, звуки, темнота, ночь, жара, холод, ответственность, подозрение, беспокойство и др.; «падать» в профессию или занятие – ‘быть занятым каким-либо делом’, «падать» на шею или голову – ‘навязывать себя кому-либо’; можно также «падать» (попадать) в беду; «падать» (вмешиваться) в чьи-либо дела; «падать» (погружаться) в мысли; «падать» (приходиться) кем-либо кому-либо, например, ‘Вы мой господин, я Ваш слуга’.

Глагол х. *paṛṇā* и его когнаты употребляются также в функции «легких» глаголов. При присоединении к неопределённым глаголам они маркируют начало действия, в случае предельности основного смыслового глагола – завершение действия.

Литература:

- Кашкин Е. В., Плешак П. С. Идеофонические глаголы падения: семантические наблюдения и перспективы типологии (корпусное исследование) // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». №3, 2015. С. 137-142.
- Кибрик, А.Е. 1992. Типология родственных языков: синхрония и эволюция // *Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков*. М.: ИСБ РАН.
- Кузьменко Е.А., Мустакимова Э.Г. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе // *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015»*. М.: МГПУ имени М.А. Шолохова. С. 149-160.
- Панина А.С. Глаголы падения в японском языке (в печати).
- Рахилина, Е.В., Прокофьева, И.А. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // *Вопросы языкознания*, 2004, N 1, 60-78.
- Reznikova T.I., Vyrenkova A.S. Semantics of Falling: A Cross-Linguistic Approach. *Working papers, series: Linguistics*. М.: ВШЭ, 2015.

Ю.С. Христолюбова

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Перевод терминов по производству чая с китайского языка на русский

В Китае различают 6 основных сортов чая: зеленый, белый, желтый, красный, пуэр и улун. Это деление возникло по технологии обработки чайного листа. Процессы эти важны для описания сортов, указания на их специфику и вкусовые особенности. Кроме того, оборудование для производства китайского чая активно закупают и используют российские хозяйства, изготавливающие Иван-чай, а также другие смежные производства, которым необходимо ферментировать и сушить лист.

При проведении переговоров с китайцами по чайным закупкам, изучении китаеязычных материалов по чаю, встречаются китайские термины, которых либо пока нет в наших словарях, либо их суть из существующего перевода не ясна.

Поэтому сейчас назрела необходимость уточнения и введения терминов производства чая в оборот. Это поможет в дальнейшем закупщикам чая выбирать сорта с нужными характеристиками, потребителям оборудования не ошибаться в выборе устройств, а переводчикам точнее переводить информацию по особенностям изготовления сортов китайского чая.

В моем обзоре представлены переводы и описания сути процесса 25 основных терминов по производству чая, а так же 5 терминов, характеризующих особенность уже готовой продукции в зависимости от используемой обработки. Термины переведены на основе изучения автором технологий обработки чайного листа с помощью китайских специалистов.

В.Л. Цуканова
(Марбургский университет, Германия)

Редкие породы в арабских диалектах: грамматическая или лексическая деривация?

Проблема образования четырехконсонантных корней в семитских языках довольно хорошо описана в литературе и систематизирована в работах Kamil 1956, Kamil 1963 и Voekels 1990. Такой тип корней характерен в той или иной степени для аккадского, древнееврейского, арамейских, эфиосемитских и арабского языков. Четырехконсонантные корни образуются как в результате заимствований и деноминативного основообразования, так и аффиксацией различных согласных в трехконсонантную основу, а также с помощью редупликации одного или двух консонантов. В классическом арабском языке, согласно работе Бёкельса, число таких корней, очевидным образом соотносящихся с 3-консонантными, составляет 1246, в аффиксации участвует 10 различных согласных. Обычно образованные таким способом глаголы не относят к породам – стандартным деривационным моделям, исключением являются некоторые подходы к описанию сирийского арамейского. По мнению Бёкельса, многие 4-консонантные глаголы в арабском языке имеют семантику интенсивного действия, хотя у части глаголов она была утрачена.

В арабских диалектах этот древний метод деривации не только не был утрачен, но и оказался весьма продуктивным. Существует множество диалектных глаголов, образованных с помощью различных аффиксов, которые являются инновативными по сравнению с классическим арабским. Такие глаголы также часто являются деноминативными или имеют семантику интенсификации. Несколько примеров, взятых из работ Bakalla 1979, Cowell 1964, Reinhardt 1972, Woidich 1990, Эль-Массарани, Сегаль 1978, а также в ходе работы с информантами, приводятся ниже, некоторые с пассивно-рефлексивным префиксом *t-*:

Дамаск: *kafat* ‘выливать, выплескивать’ – *karfat* ‘сваливать, набрасываться с ругательствами’;

Хоран (Иордания): *gaṣṣ* ‘резать’ – *gaṣgaṣ* ‘резать на мелкие кусочки’, ср. Дамаск: *ʔaṣṣ* – *ʔaṣʔaṣ* (то же);

Каир: *dahas* ‘наступить’ – *dahwas* ‘затоптать’, ср. Дамаск: *daʕas* – *daʕwas* (то же);

Мекка: *kalb* ‘собака’ – *tmaklab* ‘вести себя по-собачьи (злобно)’;

Хоран, Дамаск: *walad* ‘ребенок’ – *twaldan* ‘вести себя инфантильно’;

Оман: *saḥḥ* ‘выливать’ – *tsaḥsaḥ*, *tsensah*, *tsarsah* ‘скользить вниз’.

По всей видимости, данный процесс затрагивает все группы арабских диалектов, однако ему не всегда уделяется внимание в грамматических описаниях. Связано это, отчасти, с тем, что такой способ основообразования традиционно не включается в число пород и считается нерегулярным. Тем не менее, к породам классического арабского языка относятся так называемые редкие, с номерами XII–XV. Данные основы образования, по сути, теми же методами, т.е. вставкой дополнительного консонанта и редупликацией: *fʕawʕal*, *fʕawwal*, *fʕanlal*, *fʕanlā*. При этом их число значительно меньше 4-консонантных, около 70 входов в словарях Lane 1865 и В.-Kazimirski 1860 для всех четырех пород.

В докладе мне хотелось бы продемонстрировать на материале различных арабских диалектов типологию образования 4-консонантных глаголов от 3-консонантных корней, включая их морфологию и семантику, а также провести параллели с образованием 3-консонантных корней от биконсонантных ячеек, обсуждавшимся в работах А. Г. Беловой и А. Zaborski.

Б.Д. Цыренов

(Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ)

Синонимы со значением «толстый» в бурятском языке: оценочно-стилистическая характеристика человека

Для передачи значения «толстый» в отношении человека в бурятском языке употребляются синонимы: *бүдүүн* ‘толстый’, *марятай* ‘толстый, полный, дородный, тучный’, *тарган* ‘толстый, жирный; упитанный, откормленный’, *пэдьхэгэр* ‘толстый, тучный; плотный’, *пэсхэгэр* ‘одутловатый, обрюзгший’, *налхагар* ‘полный, пухлый’, *пилхагар* ‘расплывшийся, обрюзглый; рыхлый’. Из представленных здесь прилагательных стилистически нейтральным в отношении человека является прилагательное *бүдүүн*, в то время как *марятай* можно отнести к области высокого стиля. Последний часто употребляется при описании старшего по возрасту, чину и т.д. Остальные пять прилагательных выражают отрицательную оценку и находятся в сфере разговорной и просторечной лексики. Как пишет Е.В. Урысон, в русском языке «слов, выражающих (слабо)отрицательную оценку, в классе «толстый» в целом больше, чем слов с положительной оценкой. Однако если исключить сниженную лексику, то их окажется приблизительно одинаковое количество» [Языковая..., 742]. Подобная картина наблюдается и в бурятском языке.

Прилагательное *тарган* находится на грани нейтральной и отрицательно-оценочной характеристики, а его переход из нейтрального в отрицательное стилистическое поле при характеристике человека зависит от контекста. При это оно употребляется преимущественно при характеристике домашнего скота: *тарган хонин* ‘жирная, упитанная овца’, *тарган мал* ‘тучный скот’ и т.д.: *Эгээ тарган эрьейн мяха шанахат* (М. Осодоев) [ЭКБЯ] ‘Сварите мясо самого жирного барана-валуха’. Следующий пример подчеркивает, что в описании человека прилагательное *тарган* тяготеет к отрицательной оценке: *Ямаан Һахалтай Тагар набтархан тарган хүн хоёр нюураа уршылгалдан, саашаа ябашабад* (Д. Батожабай) [ЭКБЯ] ‘Тагар с козлиной бородкой и низенький толстый человек, сморщив лица, пошли дальше’. По данным электронного корпуса бурятского языка определение *тарган* в большей степени применяется при описании отрицательных героев.

Прилагательные *пэдьхэгэр*, *пэсхэгэр*, *палхагар*, *пилхагар*, представляющие собой изобразительные слова, описывают человека с отрицательной стороны. При этом данные слова, благодаря своему фонемному составу описывают разные формы полноты, в том числе дают визуальное представление об описываемом денотате, иными словами выполняют свою прямую функцию – функцию изобразительных слов. Рассмотренные здесь синонимы участвуют в оценочной характеристике человека, двигаясь по шкале в положительную или отрицательную сторону.

Литература

Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки славянских культур. – 2006. – 912 с.

Источники

ЭКБЯ – Бурятский корпус (Электронный корпус бурятского языка) http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru.

Л.П. Черникова
(Институт востоковедения РАН, Москва)

Участие востоковедов-практиков в коллективном труде по созданию Большого русско-китайского словаря под руководством И.М. Ошанина. Пентковский В.И. и Ошанин И.М., сотрудничество сквозь годы и расстояния.

Известный специалистам четырехтомник Большого русско-китайского словаря под ред. И.М. Ошанина создавался несколько десятков лет, а если учесть значительную первую часть словаря из Архива Востоковедов под руководством В.М. Алексеева /Алексеев Василий Михайлович (14.01.1881, Петербург – 12.05.1951, Ленинград)/, то работа велась без малого 70 лет (магистер. дис. в 1916 г.)¹. «При работе над словарем использованы ...материалы неопубликованной рукописи "Китайско-русского словаря", составленной в 1938-50 гг. коллективом китаистов под руководством академика В.М. Алексеева, и личные картотеки, накопленные авторами-составителями настоящего Словаря и другими сотрудниками института Востоковедения»². «Отложившаяся в Архиве Востоковедения картотека, положенная в основу учебного китайско-русского словаря, составлением которого в 1930-40-е годы занимался созданный В.М. Алексеевым коллектив китаистов ИВАН, вошла в "Большой китайско-русский словарь", заверченный уже в наши дни его учениками (под ред. И.М. Ошанина, тт. 1-1V, изд. "Наука", ГРВД, М., 1983-1984)»³.

¹ Баньковская М.В. Алексеев Василий Михайлович (14.01.1881, Петербург – 12.05.1951, Ленинград), востоковед-китаевед, акад. АН СССР, в ПБ 1924–26. / Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры // Биографический словарь, т. 1-4. http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=6

² Из аннотации к Большому китайско-русскому словарю (по русской графической системе). В 4 томах. / И.М. Ошанин. – М., Наука, 1983. – 3824 с.

³ Чугуевский Л.И. Архив Востоковедов (б. Азиатский архив) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Часть III. – М., 1990. <http://docplayer.ru/62703637-Akademiya-nauk-sssr-ordena-trudovogo-krasnogo-znamenii-institut-vostokovedeniya-leningradskoe-otdelenie.html>

Несмотря на столь мощный задел, рукопись могла остаться мертвым грузом, если бы не энергия и целеустремленность Ильи Михайловича Ошанина, перед которым после возвращения из Китая (1939) и окончания второй мировой войны встала тяжелая задача «...подобрать авторский коллектив, способный решить такую задачу», что было весьма нелегко⁴. А нужен был коллектив единомышленников и энтузиастов, хороших специалистов, профессионалов, что было после прошедшей тяжелейшей войны (1941-1945) весьма непросто.

Все авторы словаря – советские китаеведы, многие из которых в течение долгого времени работали в различных зарубежных представительствах СССР в Китае или находились там по специфическим обстоятельствам, и были хорошо знакомы с китайскими и зарубежными коллегами. Чаще всего были знатоками и восточных, и западных языков, что безусловно давало им простор кругозора и возможность свободного ориентирования в лексикографическом материале.

Основу словаря составляет современная лексика, но в нем также широко представлена лексика прежних эпох (включая древнекитайский язык), встречающаяся в современных текстах. Словарь предназначен как для практической работы с китайскими текстами, так и для научных и учебных занятий в области китайской истории, литературы и языка⁵.

Большой китайско-русский словарь включил в себя около 16 тысяч гнездовых иероглифов и свыше 250000 производных слов и выражений. Словник был создан на основе китайских словарей «Гююй цыдянь», «Сяньдай ханьюй цыдянь», «Цыхай». При работе над словарем использованы и другие лексикографические работы, публиковавшиеся в Китае и за его пределами вплоть до 1979 г.

В 1951 г. умер Алексеев, и необходимо было продолжить работу над этим трудом, поскольку жизнь требовала современного и отвечающего духу времени словаря. В рабочий коллектив Алексеева входил и И.М. Ошанин. Проживший несколько лет в Китае, дважды длительно работавший в советских представительствах в Китае, И.М. Ошанин как никто мог стать руководителем нового коллектива, тем более что в связи с подготовкой докторской диссертации и ее защитой был вынужден несколько лет проживать в Москве. Таким образом, работа по подготовке БКРС была переведена в Москву.

Необходимо уточнить, что у Ошанина уже имелся опыт работы над другими китайско-русскими словарями (он издал небольшой словарь в 1936 г. /в Китае/, в эвакуации в Средней Азии также проводил подобную работу, поскольку преподавал в Военном институте иностранных языков). В 1949 г. им был подготовлен т.н. Малый китайско-русский словарь. По ходатайству акад. В.М. Алексеева он был зачислен старшим научным сотрудником в ИВ АН, где он проработал несколько десятков лет (Из воспоминаний его ученика Д.Н. Воскресенского. Д.Н. Воскресенский. И.М. Ошанин – выдающийся ученый и педагог // ПДВ, № 3, 2000 г. – С. 161-168). Хохлов А.Н. Китаист И.М. Ошанин и его служба на дипломатическом поприще в Китае // Китайское языкознание. Изолирующие языки. М., 2002. С. 288-301.

Необходимо было набрать рабочую группу, и поставить во главе работающего и ответственного китаиста. И, можно сказать, И.М. Ошанину очень повезло, т.к. он встретил в Москве своего соратника по китайской работе – Вячеслава Ивановича Пэнкоци-

⁴ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М.: «Весь Мир», 2013. 704 с. – С. 10.

⁵ Из Предисловия к Большому китайско-русскому словарю (по русской графической системе). В 4 томах / Ошанин И.М. М., Наука, 1983.

Пентковского, юриста, знатока китайского языка, нелегально работавшего в Китае на советскую разведку. Пентковский вернулся в СССР в 1945 г., работал преподавателем китайского языка и зам.декана факультета в ИСАА. Ошанин предложил Пентковскому новую интересную работу, пригласив его в ИВ АН, сделав ученым секретарем группы. Пентковский больше был языковедом, но по долгу службы пришлось в Китае заниматься юриспруденцией. Он разрабатывал в это время свой метод изучения иностранных языков. Надо сказать, что до сих пор многие языковеды ищут какой-то универсальный метод, и особенно – для восточных языков, так как трудоемкость иероглифики многих отвращает от изучения этого языка.

Собирая материалы о связи И.М. Ошанина и В.И. Пентковского, я обнаружила множество связующих линий: И.М. Ошанин в свое время был зачислен в Пажеский корпус при вдовствующей императрице. То есть, у этих двоих людей очень похожие биографии, просто до удивления: польские корни; учеба в кадетских корпусах; приверженность, и очень сильная, к социальной справедливости, к протесту, они рано увидели несправедливость и неравенство. Затем оба увлеклись революцией, безоговорочно поддерживали советскую власть (польский протест в корнях?), были связаны с Китаем, были великолепными знатоками китайского языка, служили вместе сначала в Харбинском консульстве (одновременно, в начале 1930-х гг.), потом в Шанхайском консульстве (одновременно с середины до конца 1930-х). После войны оба столкнулись в Москве в поисках места, и, когда Ошанина взяли в Институт Востоковедения, – он пригласил Пентковского для работы над словарем. Интересы этих людей все время совпадали, как совпадают интересы людей одного информационного пространства и приложения труда. Даже когда В.И. Пентковскому внезапно в 1956 г. пришлось покинуть Москву, – семейные хроники передают, что он продолжал работать и вести работу над словарными статьями БКРС (Большого китайско-русского словаря), с уклоном по юриспруденции.

Полный словарь вышел в 1984 году, когда уже ни Пентковского, ни Ошанина не было в живых. Словарь завершили ученики учеников Ошанина и китаеведы, его коллеги. А сегодня мы все пользуемся БКРС (уже в электронном варианте!), и такая незаменимая для китаиста-профессионала вещь, как электронный словарь – живет и востребована. И это удивительно. И в этом живом словаре есть доля труда и таланта В.И. Пентковского, и, конечно, И.М. Ошанина, который в течение многих и многих лет был бессменным энтузиастом-трудооголиком, убежденным солдатом своей идеи, что такой словарь нужно обязательно создать. Этот словарь был высоко оценен в СССР, а также зарубежными китаеводами.

З.М. Шаляпина

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Лексикография и лексикология в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН

С тех пор, как в Институте востоковедения РАН был создан (на рубеже 1957/58 гг.) Отдел языков (ныне – Отдел языков народов Азии и Африки), одним из центральных направлений его научной деятельности всегда была работа в области лексикографии и лексикологии.

Это и не удивительно: ведь словарь фокусирует в себе большинство основных проблем языкознания, заставляя исследователя решить их и для себя и для пользователей создаваемых словарей. Это и общезыковедческие проблемы, начиная с вычленения самого объекта исследования – слова (проблема «отдельности» и «тождества» слова, как ее сформулировал еще А.И. Смирницкий) и кончая его соотношением с грамматикой,

семантикой и прагматикой; и проблемы компаративистики и истории языка, выводящие на историю народов и культур – о чем, среди многого другого, рассказывает история слов; и проблемы социолингвистики – судьбы слов позволяют делать выводы об устройстве общества в различные периоды его существования. Со словом связаны и проблемы границ лингвистики и ее увязки с другими сферами науки и жизни человека: культурой, историей, географией, хронологией, медициной, технологией и т.п.

Вся эта проблематика так или иначе находит свое отражение и в исследованиях Отдела языков народов Азии и Африки. В ходе этих исследований, в которых в разное время принимали участие более 60 сотрудников Отдела, были получены значительные конкретные лексикографические результаты, включающие свыше 70 словарей, в которых учитывается материал более 20 современных и древних восточных языков и языковых семей. Это прежде всего словари традиционных типов: двуязычные (в том числе словари специальной терминологии), энциклопедические (в том числе словари лингвистической и литературоведческой терминологии), этимологические и т.п. В последнее время к ним добавляются также компьютерные лексикографические разработки: электронные словари и базы данных, частотные словари, словари корпусов текстов, конкордансы и пр.

В Отделе выполнялись и продолжают выполняться также фундаментальные теоретические изыскания по лексикологии и лексикографии. Здесь выделяются такие известные имена, как В.М. Алпатов, В.М. Бескровный, Лонг Сеам, Ю.А. Рубинчик, А.Л. Семенас. В области теории компьютерной лексикографии следует отметить работы С.А. Старостина, С.А. Крылова, а также К.И. Демича и А.В. Костыркина.

В настоящее время ведется также значительная работа по исследованию на материале восточных языков отдельных лексико-семантических полей и по изучению различных лексикологических явлений: синонимии, неоднозначности и полисемии, сдвигов значений и семантических переходов и т.п.

А.А. Шахаева

(Московский государственный лингвистический университет)

Мотивирующее значение прототипической ситуации китайского глагола направленного движения 上 shàng

В современном китайском языке исследователями выделяется закрытая лексическая группа глаголов направления движения, глаголы которой в своей семантике содержат ситуацию направленного движения с фиксированным набором компонентов, то есть глагольный корень представляет собой концептуальную репрезентацию ситуации направленного движения. Опираясь на такие параметры, как фигура, фон, маршрут, движение, выделенные Л. Талми (1985), глаголы направления движения можно охарактеризовать как лексемы, обозначающие ситуацию движения фигуры по маршруту из точки А в точку В, относительно фона, т.е. определенного ориентира.

В докладе предполагается рассмотреть мотивирующее значение прототипической ситуации, лежащей в основе базового значения полисеманта 上 shàng. Китайский глагол 上 shàng в современном китайском языке является многозначным глаголом. В словаре современного китайского языка (现代汉语词典, 2008) у глагола 上 shàng зафиксировано 14 значений, К. А. Антонян в монографии «Морфология результативных конструкций в китайском языке» (2003), основываясь на данных словаря «Dongci yongfa cidian», гово-

рит о 12 значениях глагола, что свидетельствует о широких полисемантических связях рассматриваемого слова.

Производное значение предполагает первичное в качестве своей предпосылки, в связи с этим изучая семантику слова на современном этапе необходимо обращаться к диахроническим данным. Китайский язык, в силу своей иероглифической природы, при рассмотрении семантики той или иной лексической единицы требует тщательного подхода и обращения к первоначальной форме иероглифического знака.

Основываясь на данных словаря Шовэнь цзецзы (1985), электронной версии словаря Шовэнь цзецзы и электронной версии иероглифического словаря Ханьюй цзыдянь можно сделать вывод о том, что иероглифический знак, который в современном китайском языке имеет написание 上 восходит к пиктограмме с гадательных надписей на костях и панцирях черепах 𠄎, которая состояла из двух горизонтальных черт, расположенных одна над другой, где нижняя горизонтальная символизировала Землю, верхняя Небо, таким образом, пиктограмма передавала статическое значение связанное с направлением к Небу.

Следующий этап развития графической формы рассматриваемого иероглифа – надписи на бронзовых сосудах, где у знака появилась вертикальная черта 上, тем самым, на наш взгляд, в графической форме знака оформилось выражение направления вверх. Данная графическая форма знака без изменений дошла до наших дней и в современном китайском языке относится к идеографическим знакам.

Китайские идеограммы представляют собой ментальную картину, концептуализирующую понятие окружающего мира, то есть представляют собой образ-схему ситуации, которая отражена в семантике знака. Исходя из анализа графической формы и значений пиктограммы, послужившей прообразом современной идеограммы 上 shàng можно сделать вывод о том, что когнитивная модель ситуации, которая лежит в основе базового значения многозначного китайского глагола направленного движения

上 shàng мотивирована значением пиктограммы из гадательных надписей 𠄎,, передающей значение направления к высшей силе – Небу, а компоненты прототипической ситуации, которая содержится в базовом значении глагола, так же эксплицитно представлены в графической форме знака 上 shàng, где нижняя горизонтальная обозначает начальную точку движения – точку А; вертикальная черта представляет собой маршрут в направлении к фону – точке Б, которая находится выше точки начала движения и в иероглифическом знаке обозначена короткой горизонтальной. Этим и объясняется цель движения фигуры по заданному маршруту – занять местоположение, которое выше положения исходной точки движения.

Литература

Антонян К.В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. М.: Муравей, 2013. 268 с.

Talmy L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // Shopen T. (ed). Language typology and syntactic description, second edition. Vol III: Grammatical categories and the lexicon. N.Y.: Cambridge Univ. Press., 1985. Pp. 57–149.

Сяндай ханьюй цзыдянь, 现代汉语词典. Ди у бань 第 5 版. Пекин: Чжунго шехуэйкэсюэюань юяньяньцзюсоцзыдяньбяньцзиши бяньшануиньшугуань 北京:中国社会科学院语言研究所词典编辑室编商务印书馆, 2008. 1870 с.

Ханьюй цзыдянь 上//汉语字典[Словарь кит. иероглифов]

URL:<http://dict.iguci.cn/dictionary/dcontent/index/word/上> (дата обращения 19.01.2018).

Шовэнь Цзецзы 说文解字. У цэ 五册. Пекин: Чжунхуашуцзю чубаньшэ 北京: 中华书局出版社, 1985. 534 с.

Шовэнь Цзецзы. 上 // 说文解字 [Словарь кит. иероглифов Шовэнь Цзецзы]

URL: <http://www.shuowen.org/view/6> (дата обращения 19.01.2018).

Д.И. Эдельман

(Институт языкознания РАН, Москва)

Слова, обозначающие стороны света, в истории иранских языков

Слова, обозначающие стороны света, в разных иранских языках неоднородны, а их происхождение обусловлено историей языков и в конечном счете историей народов.

В современных литературных языках, несмотря на разработанность и стандартизацию географической терминологии и унифицированность понятий, термины со значениями: «восток», «запад», «север», «юг», – неодинаковы и имеют различную этимологию.

Например, в современных персидском и таджикском языках большая часть этих терминов представляет собой арабские заимствования, усвоенные еще в средние века, в эпоху классического персидского языка. Лишь единичные названия имеют собственно иранское происхождение, восходя к элементам древнеиранского лексикона. В языке пашто используются в основном заимствования из персидского языка, за единичными исключениями в виде терминов, возникших на собственной почве, но по словообразовательным моделям типологически сходным с персидскими. В осетинском языке названия сторон света исключительно исконные, связанные с местными географическими условиями.

Интерес представляют пути и способы выработки обозначений сторон света в разных иранских языках в разные исторические и доисторические эпохи. Можно выделить принципы, по которым значения определенных сторон света закреплялись за определенными лексемами, становясь географическими терминами.

Древнейшие названия сторон света восходят к зафиксированным в Авесте обозначениям местонахождения и/или пройденного пути кочующего племени.

Тогда же и позднее, особенно в эпоху средневековых письменных памятников, а также в некоторых современных языках, понятия «восток» и «запад» прослеживаются в этимологиях слов, обозначавших первоначально «восход солнца», «закат солнца».

Обозначения понятий «север» и «юг» имеют более пестрое происхождение. Общая семантическая тенденция к их выражению реализуется в разных языках терминологизацией различных слов с разной этимологией. В истории иранских языков этих терминов меньше, чем терминов «восток» и «запад», и они исторически не столь характерны для «народной географии».

Р.А. Янсон

(Санкт-Петербургский государственный университет)

О способах выражения понятия ‘умирать’ в бирманском языке

В бирманском языке нет слова ‘смерть’, это понятие существует только в виде субстантивированной формы понятия ‘умирать’ При этом представлена довольно развитая система способов передачи этого понятия. Эти способы в принципе можно разделить

на три категории: общеупотребительные, социально дифференцированные, приуроченные к переводам с пали. В отдельных случаях контекст может допускать нейтрализацию стилистических особенностей того или иного способа. Передать стилистические оттенки разных способов выражения понятия ‘умирать’ в переводе крайне сложно, поэтому представляется, что специфика того или иного способа может быть понятой лишь в дословном переводе компонентов выражения. Понятно, что эмоциональные и стилистические особенности одних и тех же понятий и способов их выражения могут со временем изменяться, поэтому ниже перечень конкретных способов там, где это целесообразно, будет сопровождаться указанием на дату создания текста, из которого взят пример.

В современном языке применительно к светским лицам используется три термина для понятия ‘умирать’: *thei*, *shoun thwa* и *kwe lun*. Первый термин не используется для констатации факта смерти (X умер), но лишь для констатации состояния, в котором находится некое лицо (X мертвый, мертвый X). Вторым термином *shoun thwa* (кончатся- уходить) ближе всего к русскому ‘умер’. Термин *kwe lun* (прятать, скрывать – быть в прошлом, превосходить) точно соответствует стилистически русскому ‘скончаться’. Именно этот термин используется в официальных сообщениях о кончине кого-либо и в некрологах.

Для монахов стандартным термином для передачи значения ‘умер’ с древних времен является *anissa yau* (от палийского *anicco* ‘преходящий, нестабильный’ и бирманского ‘прибывать’). Для лиц королевского рода и знати используется термин *ryan to tu* (лететь – гонорифический суффикс) либо *nat ywa san* (дух, небожитель – деревня – пребывать, наслаждаться).

В переводах палийских джатак применительно к небожителям, лицам королевского рода используется палийский термин *cu ti* (бирм. *su te*) ‘смерть, исчезновение’ (в современном языке не встречается), *bhawa ashoun yau* (пали ‘жизнь’ – конец – прибывать), *athe koun* (жизнь, возраст --исчерпываться). Используются также названные выше термины современного языка, применяемые к монахам и лицам королевской крови (17-18 вв.).

В древних текстах встречаются следующие выражения: *thei min nain gan yau* (умирать–король–страна – прибывать) ‘попасть в страну, где правит король смерти’; *thei bhei yau* (умирать–опасность, зло – прибывать); *ati me to taya* (стабильность – без – закон) ‘смерть’ (закон нестабильности, неопределенности) (13-15 вв.). В этот же период достаточно широко используется упоминавшийся термин *thei* ‘умирать’. Сфера его применения – указание на состояние рабов, жертвуемых храмам. При перечислении рабов в отдельных случаях имя раба сопровождается словом *thei*, что означает ‘умерший, покойный’.

Содержание

В.М. Алпатов	Словарные и грамматические языки	1
В.А. Андреева.	О разработке словарной статьи в Новом Большом вьетнамско-русском словаре	2
К.В. Антонян.	Молодёжный жаргон в современном Китае	3
Л. Асгари.	<i>Kemush</i> The Name of Moabite Deity in Iranian Languages and Dialects	4
А.Г. Белова.	Морская терминология в арабском языке	4
Е.Ю. Бессонова.	Японские словари-письмовники: вопросы лексикографии	5
А.А. Блинов.	Эвфемистические обороты для обозначения понятия смерти в арабском языке	6
Л.Б. Будажапова.	Структурно-семантические особенности сложных слов бурятского языка (на материале буддийской лексики)	7
С. Бунруанг.	Понятие слова в русском и тайском языках	8
С.А. Быкова.	Архаизмы и слова, вышедшие из употребления, в современной японской языковой системе	9
С.П. Виноградова, С.Х. Мусавиан.	Лексико-семантическое поле святости в иранских языках	10
Н.Н. Воропаев.	Ритмические количественно дифференцированные синонимы в китайском языке и в потоке китайской речи	11
М.В. Выжлаков.	«Словесная» триада в тохарском А: <i>rake</i> , <i>plās</i> , <i>weñlune</i>	12
Е.Л. Гладкова.	Продуктивные способы словообразования в общественно-политической лексике современного персидского языка	13
П.В. Гращенков.	Адъективное управление: от русского языка к типологической перспективе	14
А.В. Громова.	Лексикография диалектов и языковых разновидностей Ирана в начале XXI в.	16
К.И. Демич, А.В. Костыркин.	Японское слово в электронном словаре: Категории леммы, лексем, словарного и заголовочного слова в структуре словарного описания	17
К.М. Джабраилов.	Вторичные значения общеиранской лексемы <i>*jagar-</i> (печень) по материалам курдской фразеологии	18
Л.Р. Додыхудоева.	К освоению арабских заимствований в шугнанском языке: особенности лексико-семантической адаптации	19
Г.Б. Дудченко.	Четыре разряда китайских иероглифов и перспективы их применения в лексикографии	20
Е.О. Заикина.	Особенности кхмерской кулинарной лексики	21
Б.А. Захарьин.	Глаголы «падения/полета» и их производные в древнеиндийском	22
А.С. Зверев.	Знаки препинания как объект лексикографии (на материале японской пунктуации)	24
В.Б. Иванов.	Электронная и бумажная версии Большого персидско-русского словаря	25
М.А. Иванова.	Роль языковой корреляции в процессе освоения новых лексем (на примере арабского экономического тезауруса)	26
Ф.А. Исаева.	К вопросу о словах персидского происхождения (в произведениях ал-Джахиза и памятниках арабской народной литературы), не вошедших в общий лексический фонд арабского языка.	27
И.Б. Иткин.	О значении некоторых тохарских лексем	27

О.М. Кадырова. К лексической типологии глаголов падения: данные турецкого языка	29
Е.А. Кобелева. Гендерные стереотипы во фразеологии русского и китайского языков	30
К.А. Кожа. Ранние описания китайского языкового строя в российской академической школе: принципы и инструменты	31
И.Н. Комарова. «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями»	32
С.А. Крылов. О гибридных жанрах словарей (на материале монгольского языка)	33
А.С. Крылова. Словарь языка куллуи: проблемы полевой лексикографии	34
М.И. Кудринский. Гетерограммы в лувийских и палайских текстах	35
П.В. Кульнева. Лексическое взаимовлияние китайского и японского языков после реставрации Мэйдзи на примере экономической терминологии	36
Е.Н. Левченко. Корпусный подход к изучению взаимодействия лексики и грамматики древнеяпонского языка (на основе Оксфордского корпуса древнеяпонских текстов)	37
К.Д. Михайлов. О создании серии учебных трехязычных отраслевых словарей-минимумов	38
Е.К. Молчанова, С. Сальманпур. Диалектные словари в Иране (на материале ларестанского говора Эвази)	39
В.А. Муравьева. Лексические и грамматические средства обеспечения целостности и связности китайского текста	40
Л.О. Наний, Л.С. Холкина. К вопросу о непрерывности лексических значений: на материале китайских двусложных слов семантических полей ТОЛСТЫЙ и ТОНКИЙ	41
А.С. Панина. Глаголы вращения в японском языке	43
Т.Г. Погибенко. Лексический комплекс в австроазиатских языках	44
Е.Л. Рудницкая, Хван Соген. Сочетаемость полу-вспомогательных глаголов с лексическими глаголами в корейском языке: внутренний предел и точка отсчета	45
Н.Г. Румак. К вопросу о лексикографическом описании оноματοпоэтических слов японского языка	46
И.В. Самарина. Повторы во вьетском языке данлай	47
Т.А. Сафин. Перевод словаря Шовэнь цзецзы и создание современного этимологического словаря китайского языка	48
А.Н. Сбоев. Словари и сборники интернет-лексики современного китайского языка	49
А.А. Смирнитская. Семантическая изменчивость терминологии родства с типологической точки зрения (на материале тамильского языка и телугу)	50
Э.К. Собиров. Арабизмы религиозного содержания в литературном таджикском языке новейшего периода	51
О.В. Столбова. К проблеме семантической реконструкции (на материале «Этимологического словаря чадских языков»)	52
О.В. Тихонова, Л.А. Шакунова. Обозначения церковных реалий и должностей в архиве толедских мосарабов XII и XIII вв.	53
Е.А. Хамаева, Д.М. Домашевская. Этимологии базовых знаков китайской письменности	54
Л.В. Хохлова. Семантическое поле «падение» в трех родственных новоиндийских языках: хинди, панджаби и гуджарати	55
Ю.С. Христолюбова. Перевод терминов по производству чая с китайского языка на русский	56
В.Л. Цуканова. Редкие породы в арабских диалектах: грамматическая или лексическая деривация?	57

Б.Д. Цыренов. Синонимы со значением «толстый» в бурятском языке: оценочно-стилистическая характеристика человека	58
Л.П. Черникова. Участие востоковедов-практиков в коллективном труде по созданию Большого русско-китайского словаря под руководством И.М. Ошанина	59
З.М. Шаляпина. Лексикография и лексикология в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН	61
А.А. Шахаева. Мотивирующее значение прототипической ситуации китайского глагола направленного движения 上 shàng	62
Д.И. Эдельман. Слова, обозначающие стороны света, в истории иранских языков	64
Р.А. Янсон. О способах выражения понятия 'умирать' в бирманском языке	65
Содержание	66

Составитель А.С. Панина.

**Востоковедные чтения 2018. Лексикология и лексикография.
К 200-летию ИВ РАН.** Тезисы докладов научной конференции. Москва,
Институт востоковедения РАН, 4-6 апреля 2018 г.

© Институт востоковедения РАН, 2018